

Джастин Валенти

Любовники

Валенти Д.

Любовники / Д. Валенти —

У нее было все, о чем только можно мечтать, – красота, деньги, талант, известность. И всем, что у нее было, она, не задумываясь, рискнула во имя настоящей любви. Во имя любви к юноше много моложе ее. Теперь о ней сплетничают недруги. Теперь ее осуждают друзья. Теперь ее не в силах понять даже самые близкие. Однако что может это значить? Она все равно счастлива. Потому что нет в мире счастья выше подлинной любви...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	40
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	43
Глава 1	43
Глава 2	48
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джастин Валенти Любовники

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Как только Энн Лурье увидела остановившуюся в дверях Николь, она тут же направилась к ней через переполненную людьми комнату.

– Николь, безумно рада тебя видеть! Выглядишь просто потрясающе! – Глаза Энн быстро скользнули по черному приталенному платью от Ив Сен-Лорана и остановились на дивном ожерелье из викторианского янтаря, украшавшем изящную шею подруги.

– Ты тоже недурно смотришься в этом красном бархате, – проворковала та, тепло обнимая Энн. – Роскошный цвет!

– Слишком яркий, возможно, зато вполне подходит к моим темным волосам. В черном ты чем-то смахиваешь на Мату Хари, а я часто произвожу впечатление вдовы с Бликкер-стрит.

Энн кокетливо поправила прическу и широко улыбнулась.

– Джанет как-то заметила, что я никак не дождусь, когда мне стукнет сорок пять. Смеешься? Нам ведь не так уж много осталось, хотя мы и выглядим гораздо моложе. А где Эдвард?

– У него, наверное, ничего не получится, – виновато ответила Николь. – Бьянки совершенно неожиданно отменил свою выставку и в последнюю минуту решил заменить ее показом работ нового протеже Эдварда, прекрасного, кстати, художника. Сегодня будет совершенно необыкновенная...

– Ничего страшного, – поспешила успокоить ее подруга, пытаясь скрыть неудовольствие тем, что муж Николь увильнул от дебюта ее сына в качестве композитора. – Я все понимаю.

– Эдвард просил меня передать Полу свои искренние поздравления и пожелать огромного успеха, – быстро добавила Николь, стараясь сгладить возникшую неловкость.

– В таком случае, – улыбнулась Энн, – я просто вынуждена простить его. Тем более что здесь присутствуют две трети семейства Харрингтонов. Только сейчас я поздоровалась с твоей неподражаемой Джулией. А теперь позволь препроводить тебя к Полу. В последний раз ты видела его год или даже два назад.

– Больше. Если не ошибаюсь, он тогда окончил колледж, и ты устроила по этому поводу грандиозную вечеринку.

– Невероятно! Конечно, он не часто баловал нас своим посещением, но все же...

– Нет-нет, все верно. Действительно, прошло уже немало лет.

В толпе гостей Николь разглядела высокого темноволосого юношу, окруженного многочисленными почитателями.

– Неужели это Пол? – растерянно пробормотала она, не веря своим глазам. – Боже мой, какой красавец!

– Ты удивлена?

– Нет, но он так вырос за эти годы, так...

– Постой, Николь, я хочу познакомить тебя с Максом Ферстом, – прервала ее подруга. – Макс, это моя лучшая подруга Николь Ди Кандиа Харрингтон.

Известный и весьма модный в артистических кругах импресарио крепко пожал руку Николь и окинул ее внимательным взглядом, словно задумал пригласить на главную роль в свою оперу.

– Мне кажется, мы уже встречались с вами пару лет назад... – начала было Николь, но тот бесцеремонно прервал ее своим густым басом:

– Приятно пожать вам руку, Николь Ди Кандиа.

– Да, но так вы можете мне ее сломать, – игриво ответила она, настойчиво пытаясь освободиться от чересчур цепких пальцев Макса.

– О, прошу прощения, но мне казалось, что вы должны обладать силой Самсона, чтобы ворочать такие гигантские скульптуры! Признаюсь, я много лет посещал почти все музеи и галереи, чтобы посмотреть на ваши работы.

Николь с ужасом подумала, что сейчас ей придется долго и нудно распинаться насчет своих скульптур, а это всегда удручало. Однако Макс Ферст не обращал никакого внимания на ее недовольный вид и как ни в чем не бывало продолжал тараторить:

– Вот, к примеру, этот изумительный коллаж на стене. Я бы с удовольствием купил его, если бы Энн соизволила с ним расстаться.

– Видите ли, – замялась Николь и поспешно пригубила шампанское, – я сделала его специально на ее день рождения...

– Значит, мне не купить его даже за миллион баксов, – грустно заметил Макс. – Но я все же был бы безмерно счастлив иметь в своей гостиной нечто подобное. А что, если я как-нибудь заскочу к вам в студию?

Теперь Николь уже точно знала, что встречалась с этим человеком. Точно такие же слова он произнес и в тот раз.

– Готова обменять свою скульптуру на одну из ваших арий, – шутливо предложила она, не отрываясь от бокала с шампанским.

– Что это значит? – удивился тот. – Вы думаете, я вас дурачу? Послушайте, дорогая, я вполне серьезно. Надеюсь, вы не из тех ненормальных художников, которые ни за что на свете не расстаются со своими шедеврами?

– Конечно, нет, мистер Ферст. Вы льстите мне своим интересом к моим работам, но дело в том, что всеми продажами занимается Маршалл Фэйбер, мой дилер.

– Макс, ты монополизировал право на общение с моей любимой женщиной! – небрежно обняв Николь за талию, в разговор неожиданно вмешался невысокий лысеющий человек.

– Эл, какой сюрприз! – воскликнула Николь, обрадовавшись возможности отделаться от привязчивого Макса Ферста. Тот мгновенно растворился в толпе.

Эл Лурье широко улыбнулся:

– Надеюсь, не испортил тебе бизнес? Впрочем, этот старый сквалыга ни цента не пожертвует на какое-либо произведение искусства.

– Ну и ладно. Мне просто нужно было во что бы то ни стало избавиться от него, и ты подошел как нельзя кстати.

Эл хитро ухмыльнулся:

– Ты всегда используешь меня в своих целях. Как поживаешь, малышка? Выглядишь просто великолепно! По-прежнему не подвластна времени. Надеюсь, тебе здесь понравится. – С этими словами он снова обнял Николь и оглядел зал. – Так где же твоя Джулия? Не та ли потрясающая блондинка в узких брюках? Мать Божья, да ей вполне можно отправляться в Голливуд!

Николь вздохнула и подумала, что ее дочь действительно могла бы найти место в Голливуде, если бы не ее природная скованность. Чувствовалось, что даже сейчас, беседуя с Полом, она слишком зажата и, судя по всему, стесняется. Жаль, что она унаследовала стеснительность матери, а не раскованность и обаяние отца!

– Послушай, наши детки, кажется, готовы составить совершенно взрывную парочку, не правда ли?

– Да, – согласилась Николь, от всей души желая этого.

– Джулия производит впечатление очень спокойной и сдержанной девушки, – поделился с ней Эл. – Вся в маму. Впрочем, ничего страшного. Приятно, что в этом зале есть хоть одна талантливая пара.

Николь засмеялась.

– Ты действительно считаешь своего сына талантливым?

– Несомненно. Можешь мне поверить – через пару лет весь музыкальный мир будет у его ног. Во всяком случае, он гораздо талантливее, чем его отец.

– О Эл...

– Да-да, это правда. Кто я такой? Весьма заурядный музыкант, который научился дорого продавать свое мастерство. И потом, эти диски, кассеты, записи, вся эта электронная чушь и прочее...

– Но ты же играешь прекрасный джаз и всегда делал это превосходно.

Эл равнодушно пожал плечами:

– Да, но все в прошлом. Сейчас я играю только по выходным, да и то изредка. Мне вообще не везло в музыке. Даже сегодня мне пришлось отменить свое выступление. Знаешь, если я наклонюсь, чтобы понюхать цветок, то меня обязательно укусит пчела. Единственная моя удача в жизни – Энни, да и ту я потерял. Посмотри, сколько в ней очарования! Думаю, она всю жизнь ждала этого торжественного момента, – с какой-то неизбывной грустью в голосе закончил Эл.

Николь импульсивно поцеловала Эла в щеку.

– Я всегда считала, что ты для нее самый лучший подарок. – Она грустно вздохнула и посмотрела на искаженное горечью лицо собеседника. Николь любила Энн и до сих пор не могла понять, почему она так жестоко обошлась с мужем.

– И все-таки я самый счастливый папаша в мире, – вдруг заявил Эл. – Ты и сама все поймешь, когда услышишь его музыку.

– Николь, ты еще не поздоровалась с Полом? – неожиданно появилась перед ними Энн и потащила подругу в дальний конец зала. – Эл, будь другом, организуй нам шампанского.

– Энн, подожди минутку! Пол сейчас разговаривает с Джулией, и мне очень не хотелось бы им мешать.

– Если этого не сделаем мы, то сделает кто-нибудь другой. Пошли.

Когда они подошли поближе, Пол повернулся и с удивлением уставился на Николь. В его глазах блеснул неподдельный интерес.

– Пол, ты только посмотри, кто со мной! – торжественно объявила Энн.

– Очень приятно, – невнятно пробормотал тот, утвердив Николь в мысли, что ее не узнали.

– Я Николь Харрингтон, – решила напомнить ему она, чтобы избежать недоразумений и не корить себя за возникшую неловкость. – Прошло много лет, Пол, и ты, вероятно, не помнишь меня...

– Ну как не помнить! – тут же вмешалась Энн, не сводя глаз с подруги. – Пол, это моя лучшая подруга, мать Джулии.

– Разумеется, я ее помню, – недовольно проворчал Пол, косясь на мать. – Не делай из меня идиота, Энн.

Николь вспомнила, что Пол с самого детства звал родителей по имени, что доставляло им невероятное удовольствие, хотя сама она была далеко не в восторге от подобной фамильярности.

– Джулия, не уходи, пожалуйста, – придержала Николь уже попятившуюся назад дочь.

– Николь всегда была для меня чем-то вроде тети, – продолжала вспоминать Энн.

– И не только, – с едкой ухмылкой возразил Пол, лицо которого внезапно расплылось в добродушной усмешке. – Я хорошо помню вас, Николь Ди Кандиа. Более того, у меня по сей день хранятся ваши скульптуры, подаренные мне еще в детстве.

Энн облегченно вздохнула – сын наконец-то признал Николь – и незамедлительно отправилась наводить порядок в зале и готовить место для музыкантов.

– Вы назвали одну из них «Пол изучает магнитофон», помните? – продолжал меж тем ее сын. – Это была небольшая деревянная статуэтка, изображающая мальчика с разбитым вдребезги магнитофоном.

– Боже мой, конечно, помню! – застенчиво улыбнулась Николь. – Это была чуть ли не последняя моя поделка из дерева.

– А еще у меня есть вещичка, которую вы мне подарили на десятилетие! – восторженно продолжал Пол. – Она была сделана уже из бронзы. Потрясающая вещь! Несколько абстрактно, конечно, но вместе с тем весьма остроумно. Хотите, я покажу вам ее сейчас?

Не дожидаясь ответа, Пол схватил Николь за руку и потащил к двери.

– Сейчас? – опешила она. – Нет, не надо. Гости ждут начала концерта...

– Ничего страшного. Без меня все равно не начнут. Это отнимет не больше минуты.

Николь нервно хихикнула, не в силах противостоять внезапному желанию хозяина. Она точно знала, что сейчас не время для подобных экскурсий, но, несмотря на это, покорно последовала за ним.

А Джулия, тем временем осушив бокал шампанского, посмотрела вслед удалившейся паре и протянула руку за другим.

Глава 2

В конце длинного холла огромной квартиры Пол резко распахнул дверь и отвесил поклон:

– Прошу!

Николь подавила в себе какую-то странную неловкость и переступила порог. Ее взгляд тут же упал на небольшую статуэтку «Мальчик на велосипеде», и она недовольно поморщилась.

– Мне всегда нравилась эта вещичка, – пояснил Пол, перехватив ее взгляд. – Именно так я ездил в те дни на велосипеде – высоко подняв руки вверх. Юношеская бравада. Вам изумительно удалось это передать. А сейчас садитесь на диван и отбросьте все дурные мысли. Вашей добродетели здесь ничто не угрожает. – С этими словами он усадил ее на край дивана, широко улыбнулся и откинул прядь темных волос со лба.

Николь безмолвно подчинилась и подумала, что для своих двадцати двух лет парень чересчур самоуверен и настойчив, что, впрочем, можно считать скорее достоинством, чем недостатком. Она безучастно взглянула на свои ранние скульптуры, критически хмыкнула, а потом оглядела комнату Пола, увешанную многочисленными музыкальными премиями, грамотами, нотными альбомами и болтавшимися там же, на стене, теннисными ракетками.

Пол пристально следил за каждым ее движением. Поймав на себе его взгляд, Николь зарделась от смущения и вскочила на ноги.

– Благодарю за воспоминания, но все эти работы давно уже устарели. И вообще нам пора вернуться в гостиную. Твоя мать, наверное, уже сходит с ума.

Пол снисходительно ухмыльнулся:

– Моя мать любит сходить с ума, так как это всегда будоражит ей кровь.

– Я с нетерпением жду начала твоего концерта, – призналась Николь, когда они возвращались назад. На самом же деле она очень боялась, что его музыка окажется слишком современной и непонятной.

– Я не элитный композитор, – успокоил ее Пол, как будто прочитав ее мысли. – Моя музыка понятна любому, и именно на это нацелена вся моя работа. Надеюсь, вам не придется затыкать уши.

– Я не посмела бы этого сделать, даже если бы очень захотела, – смущенно пробормотала Николь. – Энн глаз с меня не спустит.

Увидев подругу, Энн энергично замахала рукой и кивнула на место рядом.

– Джулия, – позвала дочь Николь, – садись со мной. Все просто замечательно! Пол так вырос за это время!

– Да, – тихо согласилась с ней Джулия.

– Плохо, что он практически не живет дома и все время пишет музыку. Энн жутко скучает по нему, да и мы тоже виделись бы с ним намного чаще. Ладно, в Нью-Йорке, возможно, мы наладим регулярные встречи.

– Нет, мама, спасибо. Не надо меня к нему подталкивать! – неожиданно заупрямилась Джулия.

Николь насупилась и какое-то время молчала.

– Я совсем не собиралась устраивать для тебя свидания. В этом нет никакой необходимости. Я просто хотела сказать, что Пол очень интересный собеседник и обаятельный человек. Мне, например, он очень понравился, и я...

– О Боже! – простонала Джулия и пересела подальше от матери.

Не успела Николь отреагировать на этот возмутительный шаг, как рядом с ней тут же плюхнулся Эл и дружески похлопал ее по руке.

– Не переживай, у меня с сыновьями было то же самое. Они все время пытались доказать, что уже совсем взрослые и не нуждаются в подсказках. Сколько исполнилось Джулии? Семнадцать? Ну что ж, в самый раз для поиска собственной позиции. Она и сама не знает сейчас, чего хочет от жизни.

Николь грустно улыбнулась:

– Да, все, что я говорю ей в последнее время, воспринимается как чушь собачья.

– Ты должна понять, что ей очень нелегко жить с матерью, которая все еще красива, молода и к тому же талантлива. Конечно, Джулия тоже красива, но она еще не осознала этого.

– Но как же так? – возмутилась Николь. – Ведь на нее даже на улице все оглядываются!

– Всеу свое время, – глубокомысленно заметил Эл и пожал ей руку. – Не волнуйся, все будет хорошо. А сейчас мне надо переговорить с Энн. Не уходи, я скоро вернусь.

Спустя какое-то время он действительно вернулся и вручил ей отпечатанную на машинке программу концерта. В ней были указаны оригинальные сочинения Пола Лурье «Серенада для флейты с оркестром», «Дуэт для флейты и виолончели» и небольшая пьеса под романтическим названием «Праздник». Ей сразу стало ясно, что почти все его произведения посвящены матери. Да и как иначе? Он действительно многим ей обязан, в особенности с тех пор, как она стала руководить Нью-Йоркской филармонией и часто работала в «Метрополитен-опера» и других музыкальных организациях. Ведь она сама когда-то формировала музыкальные вкусы современников и без устали привлекала к музыкальному образованию сына самых лучших специалистов.

Когда в гостиной воцарилась тишина, рядом, приобняв Николь, тихо уселась Энн.

– Я так волнуюсь, – прошептала Николь, – хотя ты, наверное, переживаешь в тысячу раз больше!

– Да, еще бы! – кивнула та и замерла, крепко сцепив пальцы. В этот момент она сожалела лишь о том, что здесь нет Тимоти, ее младшего сына, который хотя и не был музыкантом, но всегда с интересом относился к успехам брата.

– Какие у тебя холодные руки! – прошептал Эл, пристроившись справа от бывшей жены. – Не волнуйся, все будет нормально. Посмотри на нашего малыша. Он совершенно спокоен и невозмутим. Знаешь, дорогая, это твоя заслуга, что он чувствует себя хозяином положения и понапрасну не треплет себе нервы. Но вообще-то должен заметить, он не слишком усерден в своей профессии. Во всяком случае, не тратит на музыку всю свою жизнь...

– Не говори глупостей, – прервала его Энн, прекрасно понимая, что он пытается хоть как-то оправдать свою собственную безалаберность в отношении музыкальных занятий. – Он достаточно трудолюбив, чтобы получить степень магистра в Йельском университете.

Энн оглядела гостей и остановила взгляд на строгом профиле Джулии Харрингтон.

– Знаешь, Эл, – обратилась она к мужу, – мне показалось, что Пол не проявил никакого интереса к Джулии. Что-то у них не ладится. Короче говоря, у Николь замечательная дочь, но наш мальчик все же чем-то превосходит ее.

– Энни, дорогая, ты смотришь на все это как бы со стороны... – тихо шепнул Эл и с опаской взглянул на Николь – не дай Бог услышит.

– Ничего подобного, – упрямо возразила Энн. – Никто не знает Николь лучше меня. Она всегда чувствовала себя виноватой перед дочерью. А все картины Джулии кажутся мне такими же блеклыми и невыразительными, как японские акварели. Конечно, они по-своему интересны, но не выдерживают никакого сравнения с мощными и весьма талантливыми работами матери. А знаешь почему? Потому что я занималась со своим сыном, а Николь в это время была увлечена собственными успехами. Во всяком случае, Джулия отнюдь не из тех, кого бы я хотела видеть рядом с Полом.

– Не думаю, дорогая, что он позволит тебе выбирать ему партнершу.

– Полагаю, ты прав, но все же, как мне кажется, я подготовила Пола для более современной женщины – динамичной, сильной, независимой...

– Неужели? – Эл с издевкой посмотрел на жену. – А я-то думал, что самое главное для него – не забыть об этом до того, как у него появится ребенок.

Энн резко отдернула свою руку и недовольно поморщилась.

– Как я ненавижу твои пошлости! – прошипела она и отвернулась. Никто не мог поколебать ее уверенности в том, что сын не будет спешить с женитьбой и связывать себя обременительными узами брака. По крайней мере пока не сделает карьеры. Ее сын никому не позволит себя оболванить, а Джулии, в которой ничего нет, кроме симпатичной мордашки, и подавно.

Глава 3

С первой же ноты Николь сосредоточила все свое внимание на мягких и необыкновенно мелодичных трелях заполнившей гостиную музыки. Флейта Пола издавала настолько приятные звуки, гармонировавшие с другими весьма экзотическими инструментами, что не наслаждаться было просто невозможно. Несмотря на завораживающую интимность, весь этот джаз был построен на классических принципах сложности и исполнительской импровизации, что придавало ему еще большее очарование. Что же до самой манеры исполнения, то Николь с первого взгляда безошибочно определила несомненное влияние матери. Пол часто наклонял голову и слегка раскачивался в такт музыке, как это некогда делала Энн, склоняясь над виолончелью.

После завершения первой пьесы и в самый разгар громких аплодисментов Николь бросила взгляд на подругу. Та, судя по всему, всецело наслаждалась плодами своих трудов. Это действительно был ее звездный час, ради которого стоило жить.

– Энн, он просто неподражаем! – прочувствованным голосом произнесла Николь, поворачиваясь к подруге. Она вдруг ощутила такой неожиданный и даже слегка пугающий прилив счастья, что на минуту растерялась. Неужели это все музыка? Думать о чем-либо другом ей сейчас не хотелось.

– Да, – согласилась с ней Энн, не стесняясь нахлынувших слез.

Пол воспринял восторженные аплодисменты публики с приличествующим достоинством, хотя и не скрывал своего удовлетворения. Родители вскочили на ноги и бросились к сыну, а за ними последовали и другие гости.

– Джулия, – обратилась Николь к дочери, решив, что пробиться к Полу ей сейчас все равно не удастся, – не правда ли, чудесная музыка? Давно я не получала такого удовольствия...

Дочь ответила ей таким взглядом, что мать осеклась на полуслове. Затем Джулия решительно встала и ушла прочь, вновь породив в душе матери горькое чувство вины. Неужели девочка до сих пор не может простить ей равнодушного отношения к своим картинам?

Тяжело вздохнув, Николь направилась к буфету, где был наспех сервирован небольшой стол. Там она столкнулась с Джанет Маркхэм и ее мужем Томом, сокурсниками по колледжу.

– Пол необыкновенно талантлив и совершенно оригинален в своей музыке, – со знанием дела заметила Джанет после традиционных приветствий. – Нет ничего более приятного для счастливой матери, чем ошеломляющий успех сына.

Николь почему-то вспомнила студенческие годы и неряшливый дом Маркхэмов на Лонг-Айленде, в котором всегда царили жуткий беспорядок и неистребимое веселье.

– Я знаю, дорогая, что вы вряд ли приедете к нам на очередную годовщину свадьбы, – продолжала ворковать Джанет, – но если вдруг надумаете, мы будем безумно рады...

– Нет-нет, мы обязательно приедем, – поспешила заверить ее Николь, хотя и не была уверена насчет Эдварда.

– Джан сделала за последнее время несколько чудных вещиц из керамики, – гордо отозвался Том, нежно обнимая жену. – Знаешь, это нечто совершенно отличное от всего того, чем она занималась последние годы.

При этом супруги обменялись такими красноречивыми взглядами, что у Николь засосало под ложечкой, а в душе образовалась тоскливая и оттого еще более невыносимая пустота. Когда они с Эдвардом смотрели так друг на друга в последний раз?

Рассеянно взглянув вслед счастливым супругам, Николь положила себе немного еды на тарелку и оглядела гостиную в поисках Джулии. Неожиданно перед ней выросла высокая фигура Пола.

– Неужели все так плохо, что вы решили избежать встречи со мной и предпочли едой развеять свое разочарование?

Несмотря на его шутливый тон и небрежную ухмылку, Николь испытала смутное ощущение, что ему небезынтересно ее мнение. Она судорожно проглотила кусочек артишока и мило улыбнулась.

– Напротив, все было так прекрасно, что просто нет слов. Тем более что тебе уже выразили свое восхищение восторженные поклонники. Твоя музыка действительно была приятной и понятной для всех, включая, разумеется, и меня.

– Хорошо, но что же все-таки почувствовали лично вы?

– Я... я просто не в состоянии описать это словами...

– Нет, так не пойдет, – запротестовал Пол. – Попробуйте, тетушка Николь, умоляю вас!

Ну... в общем... больше всего мне понравились джазовые мотивы, хотя... – Она умолкла, внезапно осознав, что Джулия находится где-то рядом и скорее всего прислушивается к их разговору. Может быть, стоит подать ей пример свободного общения? И никакой стеснительности. – В твоей музыке, несомненно, есть нечто земное и доступное, и вместе с тем она уводит в заоблачные дали и вызывает необъяснимое чувство высокой одухотворенности. Мне всегда нравились сильные ритмы, сочетающиеся с доминирующей мелодией. А от твоего «Праздника» я вообще без ума. Словно птица парит над шумным карнавалом.

Пол внимательно слушал, удовлетворенно улыбался и не спускал с нее глаз. Последнее обстоятельство настолько смутило Николь, что она отвела взгляд.

– А вот и Джулия, – обрадовалась она, увидев дочь. – Извини, я сейчас вернусь.

Николь быстро проследовала на кухню и с жадностью осушила бокал шампанского. Что с ней происходит? Почему она теряется в присутствии этого молодого парня? Не обидится ли на нее дочь за столь бесцеремонную попытку втянуть ее в беседу с Полом?

Ее тревожные мысли были прерваны внезапно ввалившимися на кухню хозяевами. Эл весело подмигнул Николь и поднял бокал, придерживая другой рукой заметно захмелевшую Энн.

– Все прекрасно, Николь, не правда ли? Моя жена так обрадовалась успеху Пола, что слегка переборщила.

Энн захихикала, как школьница на первой вечеринке, и чмокнула мужа в щеку.

– Ты просто великолепен сегодня, Эл. Да и гости тоже.

– Забавно, не правда ли? – ухмыльнулся Эл, косясь на жену. – Вот теперь я понимаю, почему разладился наш брак. Я не поил ее шампанским.

– Боже мой, – неожиданно запричитала Энн, – я чуть не забыла, что нужно переговорить с миссис Брудж насчет очередного концерта Пола в «Карнеги-холл»! – Она засеменила в гостиную, а Эл покорно последовал за ней, еще раз подмигнув Николь на прощание.

– Николь! – Прозвучавший за спиной голос Пола заставил ее вздрогнуть. – Перестаньте сводить меня с Джулией! С ней все будет в порядке, если вы предоставите ей полную свободу.

Николь густо покраснела и опустила голову. Пол накрыл ладонью ее руку.

– Я разговаривал с вами, а вы неожиданно покинули меня, оставив наедине с дочерью. Почему?

– Ну... я подумала, что вам, молодым, есть о чем поговорить...

– Вам скучно со мной? – допытывался Пол.

– Нет, ни в коем случае, – поспешила с ответом Николь. – Мне нравится беседовать с тобой, и я хотела, чтобы Джулия приняла участие в разговоре. Что здесь плохого?

– Абсолютно ничего, если посмотреть на это именно так. Джулия – хорошенькая девушка, но мы с вами не закончили обмен мнениями.

Николь быстро взглянула на Пола и снова опустила голову.

– Ты говоришь о ней как о маленьком ребенке, а она, между прочим, не намного моложе тебя...

– Неправда, она гораздо моложе меня.

И тут Николь поняла, что он, в сущности, прав. Пол действительно выглядел намного старше своих лет и намного опытнее.

– Знаешь, многие мужчины находят ее достаточно привлекательной, – неуверенно пробормотала Николь с болью в сердце за свою дочь.

– Да, она по-своему интересна, но не настолько прекрасна, как вы.

Николь вскинула голову, еле сдержав стон. Это был приятный комплимент, хотя и сделанный за счет дочери.

– Вот это я понимаю! – шутливо восхитилась она. – Настоящий рыцарский комплимент!

– Я сказал это не из-за какого-то там рыцарства, – решительно возразил Пол. – Это чистая правда.

Николь растерянно заморгала и прижала руку к груди, где сильно колотилось готовое вырваться наружу сердце. Робко посмотрев в глаза собеседника, она не обнаружила в них ничего хорошего для себя. Они были ясными, пронзительными, лишенными какой бы то ни было детской наивности. Да, это уже взгляд взрослого мужчины, а не ребенка, которым она его помнила.

– Я... Мне, пожалуй, пора домой, – бессвязно пролепетала Николь, чувствуя, что краска заливает ее пылающее от смущения лицо. – Уже очень поздно.

Пол быстро наклонился и прикоснулся губами к ее губам.

– Спокойной ночи, Николь. Спасибо, что пришла.

Всего доброго, Пол, – потупилась она, не смея поднять глаза. – Все было прекрасно, а твоя музыка доставила всем огромное удовольствие. – Бросив на него растерянный взгляд, она быстро вышла в гостиную, объясняя себе приподнятое настроение большим количеством выпитого шампанского. Давно уже она не испытывала подобного чувства.

Глава 4

Пол лежал в постели, закинув руку за голову, и курил, что бывало с ним только в минуты крайнего беспокойства. Глубоко затягиваясь, он вспоминал события прошедшего вечера, которые ярким калейдоскопом проносились в его голове. Концерт прошел довольно успешно, если не сказать триумфально. Музыканты играли весьма слаженно и добросовестно выполняли свои профессиональные обязанности, чем, собственно, и заслужили немало приятных комплиментов от благодарных слушателей.

И вообще все было бы просто замечательно, если бы не некое чувство, которое до сих пор тревожит его душу: в тот вечер он с ужасом обнаружил, что с раннего детства был безумно влюблен в Николь Ди Кандиа. Он всегда с нетерпением ждал ее очередного визита к матери и на всю жизнь запомнил ее хрупкой и постоянно улыбающейся женщиной с живыми умными глазами, излучавшими невыразимое душевное тепло, с чувственными губами и необыкновенно приятным цветом кожи...

– Николь пришла! – радостно сообщила Энн семилетнему Полу, который сидел на полу и увлеченно играл со своими игрушечными автомобилями и поездами.

– Как тут мой Пол? – полюбопытствовала Николь, обнимая мальчугана.

Ему всегда нравилось, как она его обнимает и подбрасывает в воздух. Нравилась запах ее чистых волос и бархатистость шелковистой кожи. Правда, сегодня рядом с ней вертелась непоседливая Джулия.

– Боже мой, Энн, как я устала! – пожаловалась Николь подруге и огляделась. – Скорее бы сесть и отдохнуть. Джулия просто извела меня своей неумной энергией. Мне даже хотелось привязать ее веревкой к какой-нибудь металлической скульптуре, так она меня достала.

– Пол, – мгновенно сообразила Энн, – покажи, пожалуйста, Джулии свои игрушки или сыграй что-нибудь. Думаю, ей очень понравится.

Полу было плевать на то, понравится это Джулии или нет, но Николь посмотрела на него ласковым взглядом, улыбнулась и заверила его, что ей наверняка тоже понравится. Ей он отказать не смог.

А потом случилось самое невероятное: Джулия забросила его инструмент под диван, и Николь вынуждена была лезть туда, чтобы хоть как-то загладить вину дочери. Какое-то время Пол молча наблюдал за ее округлыми, обтянутыми джинсами бедрами, а потом решил присоединиться к поискам нужной вещи в самом дальнем углу под диваном. Когда же они выползли назад, он нечаянно коснулся рукой ее груди и замер. Это было совершенно необыкновенное чувство, зарождалось оно где-то в глубине души и медленно охватывало все его существо, лишая возможности двигаться и соображать. В эту минуту ему вдруг захотелось прижаться к этой теплой женщине, вцепиться в нее обеими руками и поцеловать.

Впрочем, далее все шло своим чередом. Взрослые женщины оживленно беседовали друг с другом, не обращая внимания на малышей. Пол все время старался быть поближе к Николь, но она самым вызывающим образом игнорировала его. А когда речь зашла о предстоящей поездке матери на гастроли, та вдруг посетовала, что у нее просто не будет возможности оставить малыша дома.

– Николь может присмотреть за мной, – рассудительно заметил Пол, который все время прислушивался к разговорам старших.

– Нет, она и так слишком перегружена своей маленькой Джулией, – резонно возразила мать.

– Ничего страшного, – продолжал настаивать Пол, – я мог бы поиграть с ней...

– Пол, прошу тебя, дай нам поговорить! – взмолилась Энн, досадливо отмахнувшись.

Тот насупился, отошел в сторону, а потом взял свою любимую старинную флейту и решил сыграть так, чтобы это непременно понравилось Николь. После нескольких попыток у него действительно получилось неплохо. Он играл вдохновенно и при этом то и дело поглядывал на гостью, как бы говоря ей глазами: «Я играю для тебя, Николь. Я люблю тебя, а когда стану взрослым – обязательно женюсь на тебе и буду спать в твоей теплой постели». Именно в этот момент он впервые осознал свою безграничную власть над старым инструментом. Это было необыкновенно приятное чувство, определившее его дальнейшую жизнь.

– Пол, какая дивная мелодия! – удивленно воскликнула Николь, мгновенно позабыв о подруге. – Что это за композиция?

– У нее нет названия, – скромно пробормотал парнишка, зардевшись от гордости.

– А что же это было? – недоумевала мать. – Упражнение, которое задала тебе учительница? Я никогда не слышала ничего подобного. Почему ты так странно смотришь на нас? Ты что-нибудь натворил? Пойди ко мне и честно все расскажи.

Пол нехотя приблизился к матери и понуро опустил голову.

– Это я сам сочинил, – едва слышно пролепетал он, еще больше краснея.

– Сам сочинил?! – чуть не вскрикнула Энн. – Да это же просто замечательно, дорогой! А ты можешь сыграть нам эту вещь еще раз? Я хочу записать ноты. – Энн тотчас вскочила на ноги и стала лихорадочно искать бумагу и ручку. – Как это случилось? О чем ты думал в этот момент?

– Не знаю, – тихо ответил мальчик, исподлобья взглянув на Николь.

Затем Пол вспомнил о том, как присматривался к Николь в десять лет и позже, уже превращаясь из неловкого угловатого подростка в высокого и стройного парня. Теперь он внимательно прислушивался к себе и быстро утратил невинность. Конечно, он уже давно оставил бредовую идею о женитьбе на Николь, но все равно она была для него созданием особенным, даже в самые последние годы, когда он видел ее крайне редко. Да и думать о ней он стал намного реже, так как чертовски был занят своей музыкальной карьерой и каждодневными занятиями. С шестнадцати лет он зачастил на свидания с девочками из своей школы и успешно постиг все премудрости любовной науки. А о своей первой страсти вспоминал лишь тогда, когда его взгляд случайно падал на подаренные ею статуэтки, пылившиеся на письменном столе. Правда, в последние годы он все чаще и чаще натывался на ее работы в различных музеях и галереях, но все юношеские фантазии о любви к женщине замужней и к тому же намного старше его по возрасту почти улетучились.

И вот сейчас он снова оказался во власти того давнего юношеского жара. Пол достал из пачки очередную сигарету, прикурил. Интересно, сколько же ей сейчас лет? Скорее всего тридцать девять, как и матери. Просто невероятно! Они такие разные. Его мать уже давно превратилась в самую настоящую матрону с расплывшейся фигурой и сетью мелких морщин вокруг глаз, а Николь практически не изменилась. Именно это обстоятельство, вероятно, повергло его в шок во время их последней встречи. У него было такое чувство, словно он вернулся в свое далекое детство. Да, никаких сомнений: он по-прежнему любит ее больше всего на свете, и, видимо, этим можно объяснить тот странный факт, что у него до сих пор не было в жизни другой настоящей любви.

Пол зажег новую сигарету, не обращая внимания на горечь во рту. Чем же она приковала его к себе? Редкостной женственностью, добрым и отзывчивым сердцем или чем-то другим?

Разум подсказывал ему, что нужно остерегаться подобных увлечений, но сердце продолжало тосковать по чистой любви невзирая на какие бы то ни было условности и предрассудки. Пол встал с постели, нервно смял пустую сигаретную пачку и широко распахнул окно, чтобы

проветрить прокуренную донельзя комнату. Попутно он попытался припомнить Эдварда, которого не видел с детства. Интересно, любила ли она своего мужа по-настоящему? И что означает ее неуклюжая попытка свести его с дочерью? Неужели она пыталась таким образом скрыть от него свои чувства?

Самое странное во всей этой истории заключалось в том, что Пол не чувствовал себя моложе Николь. Более того, во многих отношениях он казался себе гораздо старше и опытнее. В ней сохранилась какая-то детская непосредственность и совершенно необъяснимая наивность, которая свойственна лишь самым утонченным, артистическим натурам. Пол чувствовал, что Николь способна на очень страстную и пылкую любовь, нерастраченную за долгие годы замужества. Вот только что ему теперь делать, как к ней подступиться?

Глава 5

Дрожа от холода, Николь быстро влезла в кабину грузовика и приветливо улыбнулась Микки Райту, который вызвался помочь ей обустроить детскую площадку в графстве Кент.

– Типичная английская погода, – проскрипел тот с лондонским акцентом. – Надеюсь, все твои творения выдержат испытание временем. Ты же знаешь, что дерево гниет, а железо ржавеет...

Да, знаю, – нетерпеливо прервала она своего коллегу. Она не первый раз была в Лондоне, но такой сырости еще не видела. Какое-то время они ехали молча, и Николь в очередной раз погрузилась в воспоминания. Прошло уже два месяца с тех пор, как она слушала музыку Пола в его гостиной, и все это время никак не могла забыть их последний разговор. Пару дней спустя Пол уехал на гастроли, и Николь облегченно вздохнула, надеясь, что на этом все и кончится. Но не тут-то было! И дня не проходило, чтобы она не вспоминала его благородное лицо, слабую улыбку на четко очерченных губах, а в особенности его полные страсти и нежности взгляды. Именно поэтому она с такой радостью приняла предложение нанести деловой визит в Англию, а заодно попытаться стереть из памяти неожиданную и столь пугающую ее встречу с Полом.

Когда они наконец-то добрались до школы Бакли, дождь почти прекратился и сквозь свинцовые тучи кое-где проглядывало солнце. Работа шла быстро, и вскоре на школьном дворе выросла игровая площадка с ее скульптурами. Альфред Стедмэн, главный организатор и руководитель работ, был специалистом своего дела и с величайшим почтением относился к Николь, что объяснялось прежде всего его давним знакомством с Эдвардом.

– Приятно, знаете ли, в дождливой Англии встретиться с женой старика Эдварда! – басом прорычал Стедмэн в первую же минуту их знакомства. – Как он там поживает? Думаю, он рассказал вам, как мы проводили время в 1944 году? Да, лейтенант Харрингтон был весельчаком и душой любой компании...

На самом деле муж не удосужился рассказать ей о временах своей юности, чему Николь была очень рада. Она и сама уже догадывалась, что столь интересным предложением обязана прежде всего его связям.

Когда все было закончено, Микки критически оглядел площадку и проверил все крепления.

– Надо бы испытать ее на прочность, – произнес он и стал поочередно вертеться на всех игровых приспособлениях. – Если эта штука выдержит меня, то за безопасность детей я полностью спокоен.

Немного отдохнув, они отправились назад в Лондон, ощущая приятную усталость и одновременно гордясь хорошо проделанной работой.

– Как тебе пришла в голову идея создать такую игровую площадку? – полюбопытствовала Николь, когда их грузовик выехал на шоссе.

– Идея зародилась много лет назад, – откровенно признался Микки, – но не было денег для ее осуществления. Слава Богу, нашлись хорошие люди.

Оставшуюся часть пути Николь смотрела в окно и предавалась приятным воспоминаниям. Много лет назад ей пришло письмо из Калифорнийского института искусств, в котором сообщалось, что она принята и должна прибыть к месту учебы в указанный срок. Эта новость вызвала бурю негодования у родителей, которые были категорически против. Отец всеми силами пытался убедить дочь в том, что ей уготовано другое будущее – достойный муж, большая семья и все такое прочее. Но Николь стояла на своем и в конце концов уговорила родителей благословить ее на этот отчаянный, как им казалось, шаг.

– Значит, ты поступила в университет, а потом вышла замуж за Эдварда Харрингтона, который совершенно случайно оказался крупным коллекционером произведений искусства? –

прозвучал вдруг над ухом голос Микки. – Не этим ли объясняется твоя головокружительная карьера?

Николь закусила губу и промолчала, не найдясь с ответом. Да и что тут можно сказать? Этот парень разбередил ее старые раны и заставил вновь усомниться в себе.

– А как насчет диско-клуба сегодня вечером? – неожиданно спросил он, когда они проезжали по Вестминстерскому мосту.

– Не знаю... Я, кажется, устала...

Микки недовольно посмотрел на спутницу.

– И к тому же я слишком стара для подобных увеселений, – продолжала с иронией Николь. – Люди подумают, что ты притащил туда свою мать.

– Черт возьми! – не выдержал Микки. – Если не хочешь, так и скажи! Зачем искать какие-то идиотские предлоги?

– Ну ладно, я согласна, но только обещай, что не будешь тащить меня на каждый танец и вообще будешь относиться ко мне как к старой замужней женщине.

– Ладно, договорились, – неохотно пообещал тот и многозначительно ухмыльнулся.

Николь не испытывала никакого желания болтаться по клубам, но и отказывать парню ей тоже не хотелось. Эти художники такие все обидчивые и злопамятные, что лучше с ними не связываться. И почему молодежь так липнет к ней? Неужели все дело только в ее популярности и богатстве?

Вечер прошел спокойно. Танцевали они мало, но Николь прекрасно понимала, что Микки не прочь поразвлечься и только боязнь получить решительный отказ сдерживает его плотские устремления.

– А ты крепкий орешек, – хмуро заметил он уже перед дверью гостиницы. – Намного крепче, чем я предполагал.

Николь подставила ему щеку для прощального поцелуя и направилась в свою комнату, беспрестанно зевая и просто валясь с ног от усталости. Молодые люди хороши в малых дозах и на почтительном расстоянии.

Глава 6

Николь медленно бродила по галерее Тэйт, придирчиво осматривая произведения своих коллег-скульпторов. Одни из них оставляли ее абсолютно равнодушной, другие вызывали полное неприятие, а третьи, которых, кстати, было немало, – острое чувство зависти к художникам, которым удалось воплотить свои идеи. Вскоре взгляд Николь упал на ее собственную композицию под романтическим названием «Летающие ритмы». Она состояла из набора разнообразных стальных и бронзовых крыльев, которые, казалось, вот-вот поднимутся с земли и взлетят высоко в небо. Николь подошла ближе и застыла перед знакомой до боли композицией.

– Ну и что Ди Кандиа думает о своем произведении?

Вздвигнув от неожиданности, она резко повернулась и увидела перед собой расплывшегося в улыбке Пола, одетого в голубой блейзер и кремовый свитер. Николь зарделась и хотела было объяснить, что оказалась перед своей композицией совершенно случайно, но он уже взял ее за руку и повел прочь.

– Полагаю, вы не в восторге от собственного замысла и его воплощения. У меня сложилось впечатление, что вы хотели бы переделать свое творение. А еще с большим удовольствием вы забрали бы экспонат отсюда и увезли в какое-нибудь пустынное место, где его никто и никогда не смог бы увидеть.

– Боже мой, – живо откликнулась Николь, – как ты угадал мои мысли? И вообще, что ты делаешь в Лондоне?

На все эти вопросы Пол ответил многозначительным молчанием, продолжая вышагивать по узкому коридору галереи.

– А вот знаменитая «Черная стена» Луизы Невельсон, – комментировала Николь, решив взять на себя роль гида. – Именно она вдохновляла меня в самом начале карьеры.

Пол неожиданно остановился и взял ее за обе руки.

– Не могли бы мы где-нибудь пообедать?

– О, извини ради Бога! Я, наверное, наскучила тебе своими объяснениями?

– Как раз наоборот. Все очень интересно, но мой желудок сейчас похож на эту вот огромную пустоту в бессмертном творении Генри Мура.

Вскоре они уже сидели в уютном ресторанчике музея.

– Я так понимаю, что ты уже неоднократно бывал в Лондоне?

– Да, – кивнул Пол. – Два года назад я провел здесь все лето. Ходил по выставкам, слушал концерты да и сам играл понемногу, а еще часто заходил сюда и долго вглядывался в нетленные произведения Ди Кандиа. Ты сегодня свободна? – незаметно для себя он перешел на дружеское «ты».

Вопрос этот прозвучал настолько неожиданно, что Николь не успела даже собраться с мыслями.

– Нет, нет...

– Ладно. Сегодня вечером Джеймс Гэлзуэй играет Моцарта, а до этого я хочу съездить в школу Бакли и посмотреть на твою игровую площадку. Так что хорошенько подумай и скажи «да».

Его улыбка была настолько очаровательной и милой, что все мыслимые возражения так и не слетели с ее губ.

– И не суетись, пожалуйста, как моя мать, – продолжал меж тем Пол. – Я пригласил тебя и потому сам заплачу за обед.

– А ты не забывай, что я ровесница твоей матери, – огрызнулась Николь.

– Тем более, – ехидно заметил Пол. – Тебе пора откладывать деньги на пенсию.

И вскоре они уже были на игровой площадке. В этот момент прозвенел звонок, и дети, шумной гурьбой высыпав из школы, тут же заполнили все отведенное для игр пространство.

– Видишь, Николь, им понравились все эти штучки, – решил подбодрить ее Пол, но она в это время думала о другом – о том, как она проведет с ним вечер. Иногда ее охватывало необъяснимое чувство отчаяния, то самое, которое обычно испытывают школьницы, опасаясь, что их изнасилуют на первом же свидании.

Первое действие концерта пролетело почти незаметно. Они сидели рядом и тихо обменивались впечатлениями о звучащей со сцены музыке.

– Мне кажется, ты играешь ничуть не хуже этого Гэлуэя, – не без лукавства прошептала Николь.

– Ты мне льстишь, – ответил Пол и пристально посмотрел ей в глаза. Николь даже вздрогнула от этого взгляда и предусмотрительно отодвинулась в сторону. С этого времени она уже не могла спокойно слушать музыку и думала только о сидящем рядом человеке, который пробуждал в ней какие-то странные чувства. Она почти физически ощущала его близость и с каждой минутой все больше и больше пугалась своего неукротимого к нему влечения. А когда он предложил после концерта пройти пешком по мосту Ватерлоо, она поняла, что не в силах противиться его магнетическому обаянию.

Какое-то время они шли молча, и каждый раз, когда Пол бросал на нее пылкий взгляд, ей чудилось, что он собирается поцеловать ее. Глупая и совершенно наивная идея, но она ничего не могла с собой поделать. Теперь она понимала, почему многие зрелые мужчины приураживают за молоденькими девочками. Молодость имеет неотразимую привлекательность и обладает свойством передаваться всякому, кто с ней близко сталкивается.

Они не заметили, как прошли мост, свернули на Парклеин и вскоре оказались перед гостиницей «Дорчестер». Все это время Николь внимательно слушала Пола, а под конец решила поделиться с ним своей сокровенной мечтой.

– Знаешь, Пол, – осторожно начала она, – я когда-то была в Стоунхендже и с тех пор мечтаю создать своеобразный монумент Солнцу, выполненный из стекла и алюминия.

Пол взял ее за руку и неожиданно притянул к себе.

– А я с давних пор мечтаю поцеловать тебя.

Николь испуганно вскинула голову и тут же почувствовала на своих губах его теплые губы. Сердце ее бешено забилося, перед глазами поплыли темные круги. Она предприняла отчаянную попытку освободиться, и в конце концов ей это удалось.

– Спокойной ночи, Пол, – с трудом выдавила она и в панике бросилась к двери гостиницы. – Спасибо за концерт, и передай привет матери, если вернешься в Нью-Йорк раньше меня! – Она бежала, не чувствуя ног, и только чудом не рухнула на пол просторного и чистого вестибюля.

«Боже мой! – рассуждала она некоторое время спустя, лежа в постели. – Что происходит? Как это случилось? Ведь он сын моей лучшей подруги. Двадцать два года! Какой кошмар! Конечно, он выглядит старше и вообще производит впечатление вполне зрелого мужчины, но тем менее...»

Еще какое-то время она терзалась гнетущими дуг мыслями, а потом все-таки уснула, но лишь для того, видимо, чтобы проснуться посреди ночи от невыразимо сладких эротических сновидений. «Надо быть поосторожнее этим парнем, – подумала она под утро. – А то как чего не вышло».

Утром ее разбудил телефон.

– Алло.

– Доброе утро, – послышался в трубке бодрый голи Пола. – Прости, если разбудил. Я внизу и уже заказ; завтрак.

– Я... я не могу, Пол.

– Не можешь что? Позавтракать со мной? Какая ерунда! Я жду тебя через десять минут, – не терпящим возражений тоном произнес он и тут же повесил трубку.

Это просто возмутительно! Надо непременно положи этому конец, и чем быстрее, тем лучше. Николь бросилась в ванную и ровно через десять минут уже была вниз где сразу же остановила официанта и распорядилась, ч» бы завтрак был записан на ее счет. Снедаемая праведным гневом, она подскочила к столу и мгновенно сникла: Пи был неотразим. Только его грустные глаза говорили о том что он тоже провел бессонную ночь.

– Ты всегда по утрам такая невеселая? – хмуро осведомился он.

Николь немного успокоилась и даже попыталась улыбнуться.

– А ты всегда такой жизнерадостный и бодрый? – парировала она. – Впрочем, ты неизменно можешь поднять себе настроение, насвистывая под душем какую-нибудь развеселую мелодию для флейты с оркестром.

– Ну ладно, еще раз прошу прощения, что разбудил. И поскольку я ранняя птичка, то позволь предложить тебе план на сегодняшний день. Прежде всего мы ходим в Хамистед...

– Нет, Пол, я не могу. Честное слово. Мне еще нужно походить по магазинам...

– Прекрасно, – громогласно прервал он ее. – Ты сделаешь это в Хамистеде. Там, кстати сказать, масса хороших магазинчиков – антикварные украшения, превосходная одежда, шотландские ткани, редкие книги и все такое прочее. А кроме того, там мы найдем ароматный чай, превосходный кофе и еще множество экзотических сувениров со всего мира.

Николь с ужасом осознала, что вряд ли найдет в себе силы отказаться от этого предложения. Магазины в Хамистеде действительно оказались неплохие, и оба они накупили массу сувениров для Эдварда, Джулии и Энн. А потом неожиданно хлынул дождь, укрыться от которого можно было лишь в близлежащем пабе. Пол вынул из кармана носовой платок и бережно смахнул с лица спутницы капли дождя. Сердце ее екнуло, а по всему телу пробежала предательская дрожь.

– Холодный сегодня выдался денек для этого времени, – глубокомысленно заметил крупный англичанин за стойкой бара.

– Да, – только и смогла ответить Николь, глядя на приближающегося с двумя огромными кружками пива Пола.

– В чем дело? – шутливо спросил он, искусно имитируя испанское произношение. – Как вы смеете разговаривать с моей женщиной? В моей стране это считается недопустимой вольностью.

Англичанин удивленно вытаращил на него глаза.

– Прости, старик, – сбивчиво пролепетал он, – у меня и в мыслях ничего не было. Надо же как-то скоротать время...

Николь с трудом удержалась от смеха. Добродушный же толстяк мгновенно исчез, бормоча себе под нос что-то нечленораздельное.

– Ну, как я его отшил, а? – поинтересовался Пол с самодовольной ухмылкой. – Тебе не кажется, что я могу заняться актерским ремеслом, если провалюсь в качестве композитора?

– Нисколько не сомневаюсь, – смущенно поддержала его Николь. – Ты вполне сойдешь за испанца. Надо же, бедняга и впрямь испугался, что ты сейчас выхватишь шпагу и проткнешь ему брюхо.

– Ничего, урок в любом случае пойдет ему на пользу.

Едва дождь закончился, как Пол потащил ее по всему поселку в поисках настоящего английского чая. Николь отчаянно сопротивлялась, ссылаясь на то, что ей уже давно пора быть в гостинице. Несмотря на это, домой они вернулись поздно, и она вдруг с пугающей ясностью осознала, что не хочет с ним расставаться.

– Спасибо тебе, Пол, за этот прекрасный день, – грустно проговорила она, боясь посмотреть ему в глаза.

– И за ночь, – добавил он. – Дело в том, что я достал два билета на спектакль Тома Стоппарда «День и ночь»...

– Нет! – вырвалось у нее. – То есть я хочу сказать, что не могу... Пол, я действительно не могу... Поверь мне...

– Можешь, – настойчиво повторил он с благодным выражением лица, как будто зная, что в конце концов она уступит. – Ты же понимаешь, надеюсь, что без тебя я в театр не пойду. А это значит, что ты лишишь меня огромного удовольствия. Если будешь вредничать, я нажалуюсь своей матери.

Лицо Николь покрылось густой краской. Как он смеет так бесстыдно шутить? Впрочем... Что, собственно говоря, случилось? Ничего страшного. Подумаешь, молодой человек пригласил в театр зрелую даму. Да и что он может сказать матери? Только то, что случайно встретил в Лондоне ее подругу и пригласил в театр, вот и все. Она и сама бы не отказалась, если бы ее пригласил какой-нибудь юноша. Он ведь совершенно безопасен и просто дразнит ее своей молодостью и настырностью.

В тот вечер они ужинали в «Ковент-Гардене», в небольшом ресторанчике, который славился своей истинно английской кухней и необыкновенной обходительностью официантов. Николь так редко бывала в ресторанах без мужа, что ощущала трепетное чувство новизны, свойственное юным девушкам на первом свидании. Это сказалось, в частности, в том, что она выпила довольно много вина и быстро опьянела. И только какое-то смутное ощущение вины не позволяло ей расслабиться полностью и отдаться во власть нахлынувшего на нее беззаботного настроения.

– А ты, случайно, не помнишь, каким я был в детстве? – неожиданно спросил Пол.

Николь удивленно посмотрела на него:

– Как же не помнить? Конечно, помню. Ты был весьма забавным мальчиком и к тому же очень талантливым...

Пол недовольно поморщился:

– Я не это имею в виду. Ты помнишь, что я чувствовал, когда ты приходила к нам в гости?

– Нет, откуда мне было знать о твоих чувствах?

Пол откинулся на спинку стула и хитро прищурил глаза.

– А мне всегда казалось, что ты знаешь. Неужели ты не видела, что я был безумно влюблен в тебя и даже не скрывал этого? – Николь не произнесла ни слова. Не дождавшись ответа, Пол пристально посмотрел ей в глаза. – Ты шокирована?

– Я... не знаю. Я вообще не понимаю, что со мной происходит, – тихо прошептала она. – Знаешь, маленькие мальчики часто влюбляются в подруг своей матери, но этого никто всерьез не воспринимает.

– Я воспринимал как мог, – понуро молвил Пол и коснулся ее руки. – Николь, я любил тебя еще в детстве и люблю сейчас, причем сильнее прежнего. Люблю так, как только может мужчина любить женщину. Это уже не детские игры, понимаешь? После того памятного концерта я не мог думать ни о ком другом.

– Пол, прекрати, пожалуйста, – слабо запротестовала Николь, пытаясь высвободить свою руку. – Слышать даже не хочу!

– Меня это тоже немного пугает, – признался он, еще крепче сжимая ее руку. – Знаешь, я прошел через все круги ада, прежде чем решился на такой шаг.

– О Пол! – простонала Николь, закрывая глаза. – Это же безумие! Так не должно быть! Это всего-навсего детские впечатления, которые наверняка исчезнут после того, как высказаны с такой откровенностью.

Пол угрюмо покачал головой:

– Нет, Николь, это уже не исчезнет бесследно. Ты нужна мне. Нужна как друг, как советчик и прежде всего как любимая женщина, которая отвечает взаимностью. Надеюсь, ты понимаешь, что это уже далеко не детские впечатления?

Николь вспыхнула от внезапно охватившего ее счастья, на смену которому тут же пришло чувство безотчетного страха.

– Николь, – вдохновенно продолжал Пол, – ты, вероятно, просто не представляешь, как я тебя люблю. Но я постоянно ловлю твои «ответные сигналы», я понимаю язык твоей души, твоего тела, твои более чем красноречивые взгляды.

Она прикрыла руками пылающее лицо и попыталась собраться с мыслями, что было невероятно сложно.

– Ну хорошо, я все понимаю и верю тебе, но если бы мне было двадцать лет и у меня не было бы мужа и дочери, я готова была бы следовать за тобой хоть на край света. Но сейчас, Пол... у меня есть семья и подруга, которая является твоей матерью. Я не могу думать только о своих чувствах и не принимать во внимание все эти условности. А мой возраст? Ты подумал об этом? Немыслимо, Пол!

– Немыслимо? – отрешенно воскликнул Пол и резко наклонился вперед. – Люди влюбляются каждый Божий день, а что касается твоего возраста, то меня это нисколько не волнует. При чем тут возраст, Николь? Твоя дочь уже достаточно взрослая, чтобы позаботиться о себе, моя мать – она слишком занята моей карьерой, чтобы следить за моей эмоциональной жизнью. Остается единственное серьезное препятствие – твой муж. Не сомневаюсь, что ты хорошо к нему относишься. Вопрос в том, хорошо ли тебе и достаточно ли этого для жизни.

Пол сделал паузу, резко откинул волосы со лба и снова ринулся в наступление:

– Не подумай, что мне нужна от тебя только одна ночь. После нее я уже не смогу делить тебя с кем бы то ни было. И мне будет недостаточно каких-нибудь уличных встреч с тобой. Я хочу тебя всю, целиком, полностью и навсегда.

– Боже мой! – выдохнула Николь, не отрывая рук от лица. – Значит, ты специально последовал за мной в Лондон?

– Разумеется. Я изнывал дома от тоски и нечаянно подслушал обрывки вашего с матерью разговора. К счастью, она не забыла упомянуть название твоей гостиницы.

– Пол, это же сумасшествие! Безумие! Нам не следует больше встречаться! В любом случае то, что ты называешь любовью, может оказаться самым банальным либидо.

– Прекрати! – брезгливо поморщился Пол. – Не надо опошлять мои светлые чувства. Если тебе не хватает смелости признаться в своих чувствах, не оскорбляй хотя бы мои. И не думай, пожалуйста, что я буду принуждать тебя к ответной любви. – С этими словами он нетерпеливо взмахнул рукой, подзывая официанта.

Николь тупо уставилась на собеседника, не зная, что и думать. Такой спокойный и уверенный тон, пожалуй, даже чересчур холодный. Если он пытается играть роль мачо, то у него

это прекрасно получается. А если нет? Если его чувства к ней действительно искренние и глубокие, что тогда? Все эти мысли мгновенно промелькнули у нее в голове. Подняв взгляд, она увидела неизбывное страдание в его глазах. Поняв, что все намного серьезнее, Николь ощутила страшную слабость во всем теле.

И почему он повел ее в театр? Уж не потому ли, что в спектакле «Ночь и день» речь шла о молодой жене уже немолодого мужа, которая увлеклась юным журналистом? На обратном пути в гостиницу Николь сидела в такси и напряженно смотрела в окошко, не находя в себе сил для разговора. Она даже не обратила внимания на то, что Пол расплатился с водителем и вышел из такси, вместо того чтобы проводить ее до двери и вернуться на этой же машине в свою гостиницу. И только несколько минут спустя она поняла, что это значит, и решила не допустить непоправимого.

– Спокойной ночи, Пол, – холодно буркнула она, не смея поднять глаз. – Точнее сказать, прощай навсегда.

– А как насчет одного-единственного поцелуя?

– Хорошо, но только одного, – эхом отозвалась она, сама удивившись своей твердости.

То, что произошло в следующую минуту, поразило ее больше всего. Она не была готова к его мягкости и уступчивости. Поцелуй Пола был по-юношески нежным и на удивление коротким, после чего он, к ее полному недоумению и даже некоторой досаде, решительно повернулся и зашагал прочь. Как ей хотелось в эту минуту вернуть его, затащить в свою комнату, сорвать с него одежду и отдаться ему с той дикой страстью, которая уже давно томила ее!

На следующее утро она первым же рейсом улетела в Нью-Йорк.

Глава 7

– Николь, дорогая, как я рад, что ты вернулась! – Эдвард, поцеловав жену, крепко прижал ее к груди.

– Да, хорошо оказаться дома после долгой дороги, – согласилась Николь, устало опускаясь на диван. Пока муж готовил ей коктейль из martinis, она наблюдала за ним, невольно сравнивая с Полом. По правде сказать, он мало в чем ему уступал – высокий, стройный, крепко сбитый, с седеющими, но все еще густыми волосами и загаром на благородном лице, которое многим казалось чуть ли не образцом мужской красоты. Эдвард тщательно следил за собой, постоянно играл в теннис и плавал в бассейне, что в пятьдесят четыре года делало его подтянутым и весьма подвижным.

– Эдвард, почему ты не сказал мне, что давно уже знаешь Альфреда Стедмэна? – неожиданно напустилась Николь, вспомнив недавнюю поездку.

– Кого?

– Стедмэна, директора школы в графстве Кент, где я обустроивала игровую площадку?

– Ах да, вспомнил! – спохватился Эдвард. – Конечно, мы с ним старые друзья еще с 1944 года. Неужели я не рассказывал тебе о своем пребывании в Англии?

– Не помню, но дело не в этом. Ты поставил меня в дурацкое положение. Выходит, я оказалась там по твоей протекции, а это не очень-то приятно...

– У тебя что, были там какие-то проблемы? – встревоженно спросил он.

– Нет, все было нормально, – соврала она, предпочитая не объяснять мужу, что привыкла полагаться на свой талант, а не на его связи.

– Вот и хорошо, – успокоился он, протягивая ей бокал с коктейлем. – Я так соскучился по тебе, золотце мое! – Он погладил ее по голове и поцеловал в щеку.

Николь охотно ответила на его ласки и даже позволила ему задрать ей подол. Но в этот момент на пороге внезапно появилась Джулия.

– Привет, доченька, – растерянно пробормотала Николь, судорожно поправляя платье.

– Когда ты научишься стучать, прежде чем войти в комнату? – с нескрываемой досадой заметил Эдвард.

Джулия на миг застыла от неожиданности, а потом сделала вид, что ничего не заметила, и двинулась к бару.

– Я просто хотела предупредить, чтобы вы не ждали меня на ужин.

– Очень жаль! – искренне огорчилась Николь. – Я думала, что мы вместе поужинаем, поговорим. Куда ты идешь?

– К друзьям.

Николь встала с дивана и направилась к дочери, но та быстро отступила в сторону, подальше от материнских объятий.

– Как дела в школе? Написала какие-нибудь новые картины?

– Нет, ничего нового, – сухо отреагировала Джулия, наливая себе в бокал джинна с тоником. – Ладно, пока! – взмахнула она рукой и исчезла за дверью.

– Эдвард, – недоуменно повернулась Николь к мужу, – с каких это пор наша дочь так свободно смешивает себе коктейль?

Тот грустно вздохнул и осушил свой бокал.

– А Бог ее знает. Лично я вижу это впервые. Дети растут, а мы стареем. И вообще с ней в последнее время невозможно разговаривать.

– А не связано ли это с каким-нибудь мальчиком? – осторожно поинтересовалась Николь и озабоченно нахмурилась, вспомнив Пола.

– Не дай Бог, – отшутился Эдвард, хотя в глазах его мелькнуло беспокойство. – Она еще слишком молода. Если хочешь знать, меня сейчас больше волнует то, чем она будет заниматься после школы. Думаю, живопись для нее – пустая трата времени. Надо подумать о чем-то другом, более подходящем.

– Да, я тоже из-за этого переживаю, – согласилась с ним Николь. – Она говорит, что хочет учиться в художественной школе, но я очень сомневаюсь.

– Я вообще не понимаю молоденьких девушек, – мечтательно промолвил Эдвард, чем вызвал осуждающий взгляд жены.

– И меня не понимал, когда я была молодой?

– Да, но только поначалу. А потом ты засела в моем сердце, как бомба замедленного действия.

– Которая так и не взорвалась? – не без ехидства спросила Николь.

– Которая взрывается постоянно, – уточнил Эдвард, хитро улыбаясь.

– А что вы здесь делали все это время? – тут же перевела она разговор на другую тему.

– Ничего особенного, – тоскливо поморщился муж. – А ты? Закончила работу над скульптурой для предстоящей выставки?

– Пока и не начинала. Может, еще по одной? – спросила она, увидев, что муж снова собирается обнять ее.

После чудесного ужина в каком-то корейском ресторане они вернулись домой и улеглись спать. Николь лежала спиной к мужу, и ей приятно было осознавать, что она дома, а рядом – любящий ее человек. Он долго ворочался, а потом прижался к ней и поцеловал в шею.

– Милая моя девственница.

Николь даже вздрогнула от этих слов. Она не была девственницей и выходя замуж, а уж сейчас и подавно. Эдвард меж тем повернул ее на спину и стал покрывать шею и грудь поцелуями. Николь попыталась ответить ему тем же, но он отстранился. Какая досада! Она хорошо знала, что он не любит ответных шагов с ее стороны, а пассивность не позволяла ей достичь желаемого оргазма. В первый год их супружеской жизни она несколько раз пыталась проявить инициативу в постели, но он строго пресекал все эти попытки, чем неимоверно расхолаживал ее.

Движения Эдварда становились все более ритмичными и страстными. Она лежала под ним, не имея никакой возможности пошевелиться и помочь ему. А ей так хотелось получить долгожданную разрядку! Если бы не эта его необъяснимая и совершенно непонятная строптивость... Но больше всего Николь злила реакция мужа на ее неудовлетворенность. Он каждый раз доказывал, что она просто-напросто сублимирует свою сексуальную энергию в художественное творчество и именно поэтому никак не может завершить половой акт. Отчасти, вероятно, он был прав, но не до такой же степени! Принципиальная невозможность достичь оргазма в состоянии пассивности невероятно досаждала ей, вызвала нервные срывы и приводила к мучившей ее бессоннице. Ей так и хотелось крикнуть: «Ну пожалуйста, дай мне возможность кончить!»

Наконец она почувствовала приближение столь желанной разрядки.

– Ну давай же, кончай, – хрипло прошипел Эдвард, изнемогая от истомы. Его приказ возымел обратный эффект: она выгнулась дугой и сильно прижала его к себе, но все безрезультатно. Опять ее постигло разочарование... И в тот же миг у нее перед глазами возник светлый образ молодого человека с длинными музыкальными пальцами, которые ласкают ее тело и призывают к ответным ласкам. Наваждение было столь явственным, что все ее тело содрогнулось от пронзительного сладострастия и она мгновенно погрузилась в невыразимое и столь желанное состояние блаженства. Эдвард тут же громко застонал и обессиленно рухнул на нее, пребывая в уверенности, что именно благодаря его стараниям жена наконец-то достигла долгожданного оргазма.

– Николь, это же самый великолепный свитер, который я когда-либо видела! – восторженно воскликнула Энн, прикладывая к щеке мягкий кашемир. – Как это мило с твоей стороны! Я и представить себе не могла, что у тебя будет время ходить по магазинам и выбирать подарки.

Николь глотнула охлажденного белого вина и уныло оглядела свою студию. В принципе она ничего не имела против неожиданного визита подруги, но сейчас ей срочно надо было готовиться к предстоящей выставке. Но больше всего ее смущало другое – Пол. Она не знала, как теперь вести себя с подругой. Рассказать ей о встрече с ее сыном в Лондоне она не могла. Даже упоминание о посещении театра могло вызвать у той определенные подозрения. Скрывать же от нее сам факт встречи тоже было не очень-то хорошо.

– Ника, я люблю тебя! – продолжала восторгаться Энн, обнимая подругу. – Может, сходим пообедаем где-нибудь?

Николь грустно улыбнулась. Совсем недавно те же самые слова говорил ее сын. Как все это странно! Энн всегда была добра к ней и оказывала всяческую помощь в трудные времена, и вот теперь она, Николь, фактически готова предать лучшую подругу. Нет, все-таки надо как-то сообщить ей о встрече с Полом. И сделать это сегодня же.

– Ника, что с тобой? – встревожилась Энн. – Ты какая-то грустная. Устала?

– Да, немного, – солгала та.

– Все дело в том, что ты моришь себя голодом в своей мастерской и работаешь до потери пульса. Надо беречь себя, дорогая, и найти хоть какую-то отдушину в жизни. Впрочем, я даже представить себе не могу, чтобы ты позволила себе какое-нибудь развлечение без Эдварда. Боже мой, да я, оказывается, вогнала тебя в краску! Остынь, это же просто шутка. Я сама такая. Знаешь, после Эла я имела несколько любовников, но так и не испытала с ними оргазм. Забавно, не правда ли?

– Да уж, – лаконично ответила Николь, облизывая пересохшие губы.

– А все дело в привычке, как мне кажется, любовь здесь ни при чем. Большинство мужчин озабочены собственным исполнением желаний, и плевать они хотели на партнершу.

Вскоре принесли еду, и подруги жадно набросились на нее, позабыв на время о волнующей обеих теме разговора.

– Да, кстати, как ты провела время в Лондоне? – неожиданно полюбопытствовала Энн. – Ты до сих пор не сказала мне ни слова о своей поездке. Знаешь, я не была там целую вечность.

Николь набрала в рот побольше воздуха и быстро выдохнула.

– Откровенно говоря, я случайно встретила там...

– Черт возьми, у меня кончились сигареты. Официант!

– Пола.

– Что? – переспросила Энн, заказав сигареты официанту. – Пол? А Бог его знает, как он там оказался. Я его сейчас редко вижу, а он тоже не балует меня своим вниманием. И вообще он стал каким-то странным, отчужденным, что ли. Я несколько раз звонила ему, но разговор так и не получился. Сказал, что много работает и все такое прочее.

Николь судорожно сглотнула и опустила голову. Значит, Пол ничего не сказал матери и вообще старается ограничить общение с ней. Дурной знак. Стало быть, нет никакого смысла рассказывать ей о встрече с ним в Лондоне. Зачем осложнять и без того натянутые отношения?

В течение нескольких дней после беседы с подругой Николь не могла спокойно работать. Вдохновение напрочь покинуло ее и не собиралось посещать в ближайшее время. Она часто закрывала глаза и пыталась внушить себе, что все нормально, что никакого Пола на свете не существует и вообще в мире нет ничего, кроме работы над монументом Солнцу, который она задумала во время посещения Стоунхенджа. Но все было напрасно. Встреча в Лондоне так всколыхнула ее душу, что ни о чем другом она и думать не могла. Занявшись аутотренингом, Николь бесконечное число раз повторила слова знакомой с юности мантры, а потом махнула рукой на свой замысел, притащила со склада кусок камня и работала над ним до самого Утра.

Работа шла быстро, и вскоре в камне отчетливо проявилась фигура обнаженного молодого человека – широкоплечего, с тонкой талией и рельефными мышцами. Когда все было готово, она отошла в дальний конец мастерской и долго смотрела на свое произведение, но сколь-нибудь серьезных недостатков не нашла. Затем она приблизилась и, положив руку на грудь изваяния, ощутила пальцами гладкую и холодную поверхность бездушного камня.

Закрыв глаза, Николь стала поглаживать грудь скульптуры, потом ее рука скользнула вниз, к бедрам, и в конце концов коснулась слегка выступавших гениталий. Застонав от необыкновенного возбуждения и поддавшись неукротимым фантазиям, она наклонилась вниз и прильнула губами к пупку, как будто пыталась вдохнуть жизнь в свое творение. И так и уснула на скамье, обхватив обеими руками воплощенный в камне образ недостижимой любви.

Глава 8

– Николь, – окликнул жену Эдвард, увидев, что она стоит у открытого окна гостиничного номера, – нам выходить через пять минут...

Она нехотя обернулась.

– Мне что-то не хочется. Я так устала от всех этих вечеринок, обедов, ужинов! Мы даже Венецию не посмотрели как следует.

– Я знаю, дорогая, и очень сожалею, но это в последний раз, и я настаиваю на поездке. Ведь твой монумент Солнцу открывает всю выставку. А Стэн Феррин хочет взять у тебя интервью для журнала «Искусство в Америке». Только несколько слов, – быстро добавил он, заметив, что жена недовольно поморщилась.

– Пожалуйста, Эдвард, я просто валяюсь с ног!

– Все будет нормально, солнце мое, – продолжал настаивать муж, мило улыбаясь. – Встреча продлится недолго. А потом мы пообедаем на острове Торчелло. Обещаю, что ночью я не буду к тебе приставать и ты сможешь выспаться. Дорогая, сегодня люди будут любоваться твоим самым крупным произведением за последнее время. Не лишай их удовольствия лицезреть знаменитого автора...

Николь снова посмотрела в окно. К сожалению, это единственное, что его интересует в ее работе. Конечно, водружение этого монумента в американском павильоне стало ее звездным часом, о чем она мечтала с давних пор. Тем более что ей пришлось с таким трудом избавляться от неожиданного романтического увлечения сыном своей подруги.

– Понимаешь, дорогая, – продолжал уговаривать Эдвард, положив руку ей на плечо, – благоприятный отзыв прессы может оказаться бесценным приобретением для стимуляции интереса к твоему монументу...

– Ну ладно, я буду готова через несколько минут, – сдалась наконец Николь, не выдержав столь жесткого прессинга. – Встретимся внизу.

– Вот и хорошо, любовь моя, – самодовольно ухмыльнулся Эдвард и чмокнул жену в щеку.

Николь бросила последний грустный взгляд на залитую солнцем Венецию и стала одеваться. Завершив свой туалет симпатичной соломенной шляпкой и темными очками, она спустилась к ожидавшему ее мужу.

Вскоре они уже были на выставке, где, естественно, подверглись немислимой атаке журналистов. А после окончания официальной части Николь с мужем и избранными журналистами отправились в небольшой уютный ресторанчик на острове Торчелло. Мужчины сразу же затеяли бесконечный разговор о великом предназначении искусства, Николь же тем временем размышляла о своем.

– А что вы думаете обо всем этом, миссис Ди Кандиа? – вдруг обратился к ней Стэн Феррин, вернув тем самым на грешную землю.

– Меня это не очень волнует, – осторожно ответила Николь, пытаясь вникнуть в суть разговора. – Разумеется, я не скрываю своих симпатий к некоторым из скульпторов, даже несмотря на их экстремизм, но в целом... Мне кажется, все они порядком устали от постоянной купли-продажи своих произведений, как будто речь идет о какой-то недвижимости. Словом, всеобщая коммерциализация искусства губит их творчество и лишает вдохновения. В особенности молодых и неопытных художников.

Стэн Феррин цинично ухмыльнулся.

– Это отчаяние от коммерциализации, миссис Ди Кандиа, или просто попытка шокировать публику с целью все той же коммерциализации, как это случилось, например, с дадаистами?

Николь нашла в себе силы ответить улыбкой на его вопрос.

– Профанация процветает в любом деле и в любой профессии, даже в журналистике. Но опытный критик, несомненно, может отличить настоящее искусство от китча.

– Безусловно, – согласился с ней Феррин, – но хотелось бы получить некоторую помощь от самого художника. Впрочем, вы, миссис Ди Кандиа, дали нам сегодня прекрасный материал для размышлений. Есть все основания считать ваш монумент Солнцу лучшим произведением этой выставки, отмеченным печатью оригинальности. Знаете, как я начну свою статью? «Устремляясь в голубое небо на тридцать футов, монумент Солнцу миссис Ди Кандиа был задуман таким образом, чтобы стекло на фоне алюминия отражало падающие на него солнечные лучи. Малейший ветерок превращает это творение в уникальный шедевр, преобразующий не только мысль людей, но и сам солнечный свет. Несмотря на всю свою мощь, монумент миссис Ди Кандиа воплощает в себе нечто по-женски хрупкое...»

Николь, естественно, не доверяла словам журналиста, но ей, конечно же, было приятно слышать эту напыщенную речь во славу произведения.

– Да, этот монумент будет выглядеть превосходно в солнечных лучах, но поднимется ли он до высоты Стоунхенджа в дождливую и мрачную погоду?

– В таком случае мы пересмотрим свою оценку после дождя. – Он протянул руку и снял с нее темные очки, чтобы посмотреть в глаза.

– Послушай, Феррин, – неожиданно вмешался Эдвард, – моя жена очень устала, так что постарайся не задерживать ее слишком долго.

Недовольно взглянув на Эдварда, Феррин оставил наконец Николь в покое. В гостинице она сразу же легла в постель, но уснуть так и не смогла. Сказывалось напряжение этого необыкновенно трудного дня. Под утро она подошла к окну и долго наблюдала за пробуждающейся Венецией. А когда муж заворочался на постели, Николь повернулась к нему и слабо улыбнулась.

– Я знаю, дорогой, что завтра утром ты должен быть в Нью-Йорке, а мне хотелось бы остаться здесь еще на несколько дней.

Глава 9

После отъезда мужа Николь почувствовала себя свободной и раскованной. Она долго бродила по городу, часами стояла перед старой церковью Санта Мария Формоза, которая была выстроена еще во времена открытия Колумбом Америки, и любовалась многочисленными архитектурными шедеврами знаменитого города. А однажды, пересекая Понте ди Кристо, она вдруг увидела в толпе людей чей-то знакомый профиль. Неужели это Гаррет Хоув, ее сокурсник по институту? Она не могла поверить своим глазам! Ведь прошло уже более двадцати лет с тех пор, как она в последний раз видела этого смазливового парня, вокруг которого всегда вертелись самые красивые девушки института.

Николь решила не окликать его, чтобы не ставить ненароком в неловкое положение. Неизвестно, как отнесутся к этому две сопровождающие его женщины. И только некоторое время спустя, когда она, казалось, уже безнадежно заблудилась в узких переулках старинного города, навстречу ей вдруг вышла вся эта компания во главе с Гарретом. Оживленно беседуя со спутницами, он мгновенно застыл, увидев ее перед собой.

– Гаррет, ты? – все еще терзаясь сомнениями, спросила Николь.

Тот посмотрел на нее каким-то мутным и ничего не выражающим взглядом и двинулся дальше, продолжая развлекать компаньонов. Николь долго смотрела ему вслед, ошарашенная столь неожиданной реакцией. Значит, он все еще злится. А когда-то был самым дорогим для нее человеком, чуть было не разрушившим всю ее жизнь.

Это случилось еще в институте. Однажды Гаррет пригласил ее к себе на вечеринку якобы послушать джаз. Там собрались его друзья в рваных джинсах и грязных майках. Николь весь вечер просидела одна, и только под конец он обратил на нее внимание. Они быстро сошлись и почти две недели жили друг с другом как самые заправские любовники. Именно он предоставил ей возможность познать все радости любви, и она платила ему тем же. Правда, они частенько спорили по поводу художественного творчества и вкусов, но это не мешало им любить друг друга. До тех пор, пока он не поставил ее перед очень трудным выбором – либо он, либо ее увлечение скульптурой. Она, естественно, посчитала его претензии предательством, и с тех пор их пути-дорожки разошлись. А сейчас от некогда глубокой любви не осталось и следа – только горькое чувство обиды и досады на превратности судьбы и на злую память некогда дорогого человека.

Глава 10

Ночь была достаточно теплой, но Николь постоянно ежилась, бесцельно бродя по узким улочкам Венеции и предаваясь грустным воспоминаниям. Как приятно ходить по городу пешком – что и делают все коренные жители, – а не ездить на такси или плавать на узких венецианских лодках, переполненных любознательными туристами!

В конце концов она вышла на пьяццу – небольшую площадь в самом центре города. В гостиницу возвращаться не хотелось, и потому она решила послушать тамошних музыкантов. Каково же было ее изумление, когда среди них она вдруг увидела знакомое лицо Пола Лурье! Первой мыслью было немедленно повернуться и уйти, но ноги ее словно приросли к мостовой, и пока она приходила в себя, он уже приветливо замахал ей рукой.

– Боже мой, это ты, Николь? – воскликнул он, приблизившись и шаря глазами по площади в поисках Эдварда.

– Да, и совершенно одна, – неожиданно осмелела она и радостно улыбнулась. – Могу угостить тебя чем-нибудь прохладительным, если хочешь. Тем более что я тебе должна.

– С удовольствием выпью чего-нибудь, да и перекусить бы не мешало. Ты же знаешь, что я стараюсь не есть перед концертом. – Не долго думая он схватил ее за руку и повел через площадь в знаменитый бар «Гарри», куда она уже давно мечтала попасть.

Пол выбрал уютный столик у окна, откуда можно было любоваться водой, но Николь глаз не сводила с собеседника. Вскоре перед ними уже стояла пара бокалов с чудесным «Беллини», и они медленно потягивали ароматное вино.

– Чудесно, не правда ли? – поинтересовался Пол. – Просто нектар нашего времени – шампанское со свежим персиковым соком.

Напиток действительно был настолько приятным, что Николь не отказалась повторить. Немного захмелев, она то и дело поглядывала на его грудь, поросшую темными курчавыми волосами, и смущенно краснела, вспоминая свои откровенно бесстыдные эротические фантазии.

– Ты здесь со своим оркестром? – неуклюже попыталась она найти оправдание его пребыванию в Венеции.

– Да. Я получил двухнедельный ангажемент и решил воспользоваться этой прекрасной возможностью посмотреть Венецию, а заодно и повидаться с тобой.

Николь смущенно заморгала.

– Я беседовала недавно с твоей матерью, – начала она, чтобы сменить тему разговора, – и она сообщила мне, что ты работаешь над новой композицией. По-моему, она не подозревает о нашей... нашей встрече в Лондоне.

Пол снисходительно ухмыльнулся.

– Не вижу никакой надобности информировать ее о своей личной жизни. Я действительно готовлю новое произведение, и это интересует ее больше всего. Ну как тебе фирменный антрекот? По-моему, выше всяческих похвал.

– Да, все очень вкусно. Знаешь, мне нравится здешний обычай называть рестораны в честь знаменитых художников и архитекторов.

– Полагаю, им следует приготовить специальный десерт под названием «Амброзия Ди Кандиа» в честь твоего уже ставшего знаменитым монумента. Я специально ходил на выставку несколько раз, чтобы полюбоваться твоим шедевром.

– Я рада, что тебе понравилось, – скромно прошептала Николь.

Пол пристально посмотрел ей в глаза и прикоснулся к руке.

– А где же Эдвард?

Николь хотела было соврать, что он в гостинице, чтобы избавить себя от дальнейших страданий по поводу предстоящей ночи, но так и не решилась.

– Вы что, поссорились? – допытывался Пол.

Она сокрушенно покачала головой и посмотрела ему в глаза. Как он напоминает ей сейчас того Гаррета, с которым она когда-то провела несколько счастливых недель, но, к счастью, без его труднопереносимых недостатков!

– Николь, я не хотел ставить тебя в неловкое положение, – виновато произнес Пол и еще крепче сжал ее руку.

– Нет-нет, ничего страшного, – поспешила успокоить его Николь. – Это не имеет никакого отношения к Эдварду. Просто я вспомнила кое-что из своего прошлого. Что же до Эдварда, то он уже давно в Нью-Йорке.

Пол приложил палец к ее губам и жестом подозвал официанта.

– Пол, позволь мне на этот раз заплатить за обед, – взмолилась она и тут же протянула деньги официанту, заметив, что Пол не против.

А потом они долго гуляли по улочкам Венеции и почти все время молчали, так как слова им были не нужны. Почувствовав некоторую усталость, они остановили проплывавшую мимо черную гондолу и отправились в самое романтическое путешествие из всех, которые только можно себе представить. Это впечатление еще больше усилилось, когда Пол вынул из сумки свою любимую флейту и загадочно посмотрел на спутницу.

– Эту вещь я сочинил специально для тебя сразу после Лондона.

Над гондолой зазвучала прелестная мелодия, от которой по всему телу Николь разлилось необыкновенное тепло. Еще никто в мире не посвящал ей своей музыки. Закончив играть, Пол посмотрел на нее любящими глазами.

– Если хочешь знать, это часть моей новой композиции, основанной на сонетах Шекспира. Надеюсь, она будет моим самым лучшим произведением.

Затем он процитировал несколько строк бессмертного сонета, а Николь прижалась к нему всем телом и позабыла обо всем на свете. Их руки и ноги переплелись, губы сомкнулись в страстном поцелуе, а сердца застучали в унисон.

Глава 11

Проснувшись на следующее утро в гостиничном номере, Николь почувствовала, что ужасно хочет пить. Рядом с ней заворочался Пол, а потом, будто прочитав ее мысли, вскочил с кровати и открыл бутылку минеральной воды.

– Доброе утро, – произнесла она по-итальянски сонным голосом.

– Еще не доброе, – загадочно ответил он, целуя ее в кончик носа. – Пойдем.

– Куда?

– Сюда. – Пол потащил ее на кресло-качалку, уселся в него и усадил Николь себе на колени. – Ты прекрасна, Николь, и я тебя безумно люблю.

Она прижалась к нему всем телом, погрузив руку в густые курчавые волосы на его широкой и мускулистой груди. Как приятно осознавать, что это не холодный и бездушный камень, а живое теплое тело любимого человека!

Пол впился губами в ее безвольные после сна губы и осторожно просунул ей в рот язык. Николь томно застонала и закрыла глаза, изнемогая от захлестывающей ее страсти. А Пол уже нежно теребил тонкими пальцами ее набухшие соски, стремясь довести до исступления.

Когда Николь стала слегка подрагивать от переполнявшего ее чувства, он бережно подхватил ее на руки и понес в кровать, не прекращая осыпать поцелуями. Он Целовал ее долго, не упуская ни единой клеточки тела, а когда его язык наконец-то коснулся самого чувствительного места внизу живота, она не выдержала напряжения и забилась в конвульсиях взрывного оргазма.

Осторожно навалившись на нее, Пол сразу же проник в ее теплое и давно готовое к любви лоно. Николь, запрокинув голову, лишь тихо постанывала, не находя в себе достаточно сил для ответных движений. А он двигался все быстрее и быстрее, возвращая ее к жизни и наполняя самой таинственной энергией, которая приводит все живое на Земле в движение. Вскоре напряжение достигло такой невероятной силы, что Николь широко открыла глаза и безотрывно смотрела ему в лицо, впившись в спину острыми ногтями и раздирая ее почти до крови. Еще несколько порывистых толчков, и оба провалились в бездонную пропасть неопишуемого блаженства, которое способно бросить во власть дикого инстинкта даже самого стойкого из людей. Щедро одарив собой друг друга, они наконец обессиленно распластались на широкой, выдавшей виды кровати.

– Ну вот, теперь можно говорить, что утро действительно доброе, – проронил Пол, немного отдышавшись.

– Да, это было чудесное утро, – промурлыкала, как кошка, Николь, лениво потягиваясь. – Мне нужно принять душ.

– Мне тоже. Вместе?

– Почему бы и нет?

Она внимательно осмотрела его обнаженное тело и провела рукой по курчавым колечкам в средоточии мужского естества. В нем не было ничего необычного, кроме, разумеется, того, что это было тело любимого человека, доставившего ей давно забытое наслаждение.

Нескольких нежных прикосновений оказалось вполне достаточно, чтобы Пол снова готовился для очередного акта любви.

– Уже? – удивилась она. – Так быстро?

. Вместо ответа он прижал ее к себе и крепко поцеловал в губы.

– Ничего удивительного. Я так долго ждал тебя, что готов любить бесконечно.

Они снова слились в единое целое и предались любви. И предавались долго, до изнеможения, теряя порой ощущение реальности происходящего.

А потом они бродили по солнечной Венеции, переполненной ошалевшими от жары туристами, и то и дело забегали в какое-нибудь кафе, чтобы освежить себя прохладительными напитками или мороженым. Древний город производил на них ошеломляющее впечатление, поражая стариной, вычурной архитектурой и фамилиями старых мастеров. Так и пошло. По вечерам Николь обычно отправлялась в концертный зал и слушала прекрасную музыку в исполнении Пола, а после концертов они, как правило, заходили в какой-нибудь ресторан и сидели до закрытия, наслаждаясь обществом друг друга. Николь часто думала о том, что они, как это ни странно, всегда находили тему для разговоров. Более того, Пол с пониманием относился к ее взглядам на творчество и по большей части разделял их, отвергая даже самую мысль о «цене» художественного произведения.

Что же касается любовных утех, то здесь Пол многому ее научил. После Гаррета у Николь никого, кроме мужа, не было, а сексуальные отношения с последним были, мягко говоря, не самыми удачными. Пол же продемонстрировал ей неисчерпаемое богатство плотской любви и был настолько чувственным и нежным, что вряд ли Эдвард представлял себе такое. Пол всегда был жизнерадостным и наслаждался всем, что его окружало, оставаясь при этом открытым, доброжелательным и неизменно любвеобильным, чего постоянно недоставало ее мужу. Короче говоря, Николь вспомнила, что значит беззаветно любить мужчину, и за каких-то пять дней стала ближе к Полу, чем к Эдварду за все восемнадцать лет совместной жизни.

Глава 12

А Эдвард в это время с головой ушел в свои обычные дела с многочисленными друзьями, коллекционерами, дилерами и критиками и все силы отдавал поиску новых талантов на выставке в галерее Луиджи Бьянки. И удача ему не изменила. В первый же день он неожиданно наткнулся на произведения никому еще не известного художника Марка Рубецкого, польского еврея, который пережил холокост и создал удивительные коллажи из кусочков цветного стекла, колючей проволоки и толстых слоев кроваво-красной охры с изображениями перекошенных от страданий лиц. Эдвард сразу же оценил потенциальные возможности автора и пришел к выводу, что «раскрутка» его обернется хорошими деньгами. Точно так же ему в свое время удалось открыть миру произведения Ротко, Матервелла, Сигала и многих других художников, не говоря уже о Николь Ди Кандиа. Именно они сделали его богатым и весьма преуспевающим коллекционером и знатоком изобразительного искусства.

На выставке он совершенно случайно встретил еще одного интересного человека – шикарную леди по имени Келли Боган. Она с первого взгляда поразила его своими длинными черными волосами, изящными формами и лукавыми черными глазами, обещавшими массу неожиданностей.

– Надеюсь когда-нибудь достичь уровня Николь Ди Кандиа, – призналась та в самом начале разговора, облизнув кончиком языка пухлые чувственные губы. – Знаете, это как в кино. Известный коллекционер открывает талант молодой женщины и делает ее знаменитой. Как бы мне хотелось пойти по ее стопам!

Эдвард мгновенно уловил намек и пригласил ее пообедать в одно укромное местечко. В конце концов они оказались в ее мастерской на Двадцать шестой улице. К его вящему удивлению, работы Келли оказались не так уж плохи, за что она тут же удостоилась нескольких комплиментов.

– О, как приятно! – кокетливо замотала головой девушка. – Вы мне льстите, мистер Харрингтон. На самом деле мне еще далеко до Николь Ди Кандиа.

Эдвард снисходительно ухмыльнулся и поведал историю своей встречи с Николь много лет назад. Через пятнадцать минут он уже срывал с Келли одежду, невольно любуясь ее молодым, упругим телом. Однако здесь его постигло разочарование. Келли мгновенно запрыгнула на него, стала жеманно закатывать глаза и терзать его спину острыми ногтями, имитируя безумную страсть. Такое поведение напрочь отбило у него всякую охоту продолжать любовную игру. Он тотчас навязал ей свою собственную.

– Знаешь, дорогая, ты еще девственница, а я совершенно незнакомый мужчина... Было бы неблагородно с моей стороны воспользоваться твоей неопытностью и лишить тебя этого драгоценного дара. – При этом он имел в виду развитие отношений с Николь. Та не позволяла ему ничего лишнего до тех пор, пока он не пообещал устроить ей выставку при содействии Маршалла Фэйбера. Николь была тогда настолько неопытной и наивной, что сей факт для нее оказался решающим. Да и он был тогда очень терпеливым. В общем, все происходило постепенно, медленно, без излишней спешки и суетливых движений, не то что сейчас...

Келли удивленно посмотрела на него и широко расставила ноги, откровенно приглашая его к соответствующим действиям.

– Нет, малышка, нет, – охладил ее пыл Эдвард. – Не забывай, что ты девственница и не должна предлагать себя столь откровенно.

На следующее утро Эдвард завтракал в столовой своего огромного дома, пребывая в прекрасном расположении духа.

– Доброе утро, принцесса, – радостно поприветствовал он появившуюся с кислым лицом дочь. Впрочем, в последнее время это было обычное ее состояние, чему родители, как ни старались, не находили разумного объяснения. – Сегодня чудесный день, не правда ли? Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, – буркнула девушка, усаживаясь за стол. Взяв кусочек тоста, она нехотя намазала его маслом и почти с нескрываемой брезгливостью отхлебнула немного молока.

– Я вчера пришел очень поздно, – рассеянно произнес Эдвард, глядя куда-то поверх головы дочери. – Знаешь, был на выставке, а потом с друзьями завалились к кому-то в мастерскую.

Джулия пропустила его слова мимо ушей, молча покончила с завтраком и удалилась в свою комнату, которую с некоторых пор приспособила в качестве мастерской. Настроение у нее было ужасное. Проснувшись в половине седьмого, она с негодованием обнаружила, что отца все еще нет дома. Вот и верь после этого родителям!

Как только она взяла в руки кисть и подошла к недавно начатой картине, послышался негромкий стук в дверь.

– Что случилось, малышка? – озабоченно спросил вошедший в комнату отец.

Джулия уже давно заметила, что отец часто поглядывает на молоденьких женщин, и это вызывало у нее чувство гадливости. Хорошо бы поговорить с отцом, но у нее не находилось нужных слов.

– Я спросил, в чем дело, – строго осведомился Эдвард, приближаясь к дочери. – Почему ты мне не отвечаешь?

– Ни в чем! – раздраженно огрызнулась дочь. – Мне нечего тебе сказать.

Эдвард тяжело вздохнул и бросил быстрый взгляд на незаконченную картину. Джулия же застыла с видом человека, который знает, что делает не то, делает не так и вообще не соответствует недостижимому таланту матери.

– Что ты решила насчет художественной школы? – поинтересовался отец.

– Я согласна.

– Хорошо. Скажи, пожалуйста, а почему бы тебе не попробовать себя в области производства текстиля?

Джулия метнула на отца переполненный злобой взгляд. Он думает, что она способна лишь на то, чтобы красить обои и постельные покрывала.

– Нет, папа, я уже записалась на курсы в художественную школу. Занятия там начнутся на следующей неделе.

Эдвард уныло опустил голову. Джулия изо всех пытается идти по стопам матери, не имея на то соответствующего таланта.

– Ну ладно, – наконец согласился он. – Школа неплохая, и ты там заведешь массу интересных и полезных знакомств. – С этими словами он оставил дочь, успев заметить напоследок, что она не в восторге от его последней фразы. Ну и Бог с ней! Интересно, она знает, что он вернулся домой только под утро? Конечно, матери она ничего не скажет, у них не настолько близкие отношения, и все же...

Джулия всегда ощущала себя диким цветком, росшим меж двух крепких дубов. Ее отец был богатым, преуспевающим и весьма влиятельным человеком, озабоченным только приумножением своего капитала. Все, к чему он прикасался, мгновенно превращалось в золото. А мать была полной ему противоположностью – тихая, мягкая, застенчивая и необыкновенно талантливая. Вместе же они представляли собой чрезвычайно удачную, по мнению знакомых, супружескую пару, в которой каждый дополняет друг друга и не мыслит жизнь порознь.

Даже Пол Лурье относится к матери как к какой-то богине, спустившейся на грешную землю. Конечно, он замечательный парень, но, к сожалению, не обращает на нее никакого внимания. Вообще относится к ней как к какой-то замухрышке, ребенку, который еще не постиг азов. Когда же Пол говорит с Николь Великой, то в глазах его вспыхивают такие искры, что даже голова кругом идет. Вот как нужно обольщать мужчин! Учись, идиотка, у своей драгоценной мамы и не скидай перед симпатичным парнем! Нужно быть смелой, нахрапистой и не бояться протянуть руку к тому, что может всецело принадлежать тебе.

Джулия посмотрела на свои слегка дрожавшие пальцы. Ей все труднее и труднее было провести день без выпивки. Ничего, они еще пожалеют! Наступит час, когда она сполна отплатит своим родителям. Черт возьми, опять на бумаге получилась какая-то абракадабра!

Глава 13

Николь и Пол ужинали на острове Торчелло в небольшом уютном кафе под широко раскинувшейся виноградной лозой.

– Николь, я взял билет на завтра.

Она обреченно посмотрела на любовника.

– Так скоро? Ты же говорил, что улетаешь в среду...

– Да, но завтра уже среда. А ты когда планируешь?

– Не знаю, еще не решила.

– Может, поедешь со мной? Мы будем встречаться в Нью-Йорке?

Николь побледнела и опустила голову.

– Не знаю. А почему ты не едешь к своему учителю в Нью-Хейвен?

– В этом нет необходимости. Я могу писать музыку везде, где находишься ты.

Остаток вечера прошел в преддверии грядущего расставания, и они решили вдоволь насладиться друг другом в предчувствии неминуемой разлуки. Даже любовью в тот вечер они занимались не в постели, как раньше, а на ковре.

– Ну так что, вместе? – вернулся к разговору Пол, когда они немного поостыли.

– Не знаю, Пол. Честное слово, не знаю. Не представляю, как мы сможем встречаться дальше.

Пол направился в душ и пустил воду на полную мощность. Он впервые принимал душ без нее. Через некоторое время они молча оделись и вышли из комнаты, которая подарила им столько приятных минут. Какое-то время они шли все так же молча, не находя нужных слов, чтобы хоть как-то облегчить свое неизбывное горе.

– Это были самые счастливые дни в моей жизни, – отважилась наконец открыть рот Николь. – Именно поэтому, как мне кажется, мы ни в коем случае не должны испортить все то, что было здесь между нами.

– Не надо усложнять ситуацию, – с надеждой в голосе произнес Пол.

– Но ситуация действительно безвыходная, – обреченно выдохнула Николь. – Разница в возрасте, мой муж, моя Дочь, твоя мать, твой отец – все это просто невыносимо.

– Любовь не может меняться вместе с изменившимися обстоятельствами, – глубокомысленно изрек Пол, с надеждой взглянув на любимую.

– Пол, даже если я решусь на крайность, ты со временем возненавидишь меня за это. Неужели ты не понимаешь, что с годами разница в возрасте станет заметнее и ощутимее? Я превращусь в старуху, а ты начнешь поглядывать на молодых женщин.

– Любовь не проходит с годами, – продолжал тупо повторять Пол. – Настоящая любовь будет длиться вечно, до гробовой доски.

Николь внезапно остановилась и пристально посмотрела ему в глаза. Ей хотелось броситься ему на шею, обнять и никогда больше с ним не расставаться. Только сейчас она с необыкновенной ясностью поняла, что не сможет жить без него.

– Послушай, нельзя строить свое счастье на несчастье близких, – едва слышно пробормотала она.

– А ты что думала, что все будет прекрасно и безоблачно? Так не бывает даже у независимых от всяческих обстоятельств людей.

– Я ни о чем тогда не думала, – откровенно призналась Николь. – Мне просто хотелось жить, вот и все.

– Вот именно – жить, – продолжал напирать Пол. – Потому что это твоя личная жизнь, а не жизнь твоего мужа, дочери, подруги Энн или кого бы то ни было. Словом, твоя жизнь принадлежит только тебе и больше никому. А ты принадлежишь мне. Вот и вся мудрость.

Жестокая правда его слов настолько обескуражила Николь, что у нее даже ноги подкосились.

– А как же ответственность? – проронила она, изо всех сил цепляясь за последнюю соломинку.

– Ответственность? Перед кем? Перед взрослыми людьми, которые могут сами о себе позаботиться? Не смеши, дорогая.

Повернув на мост, они остановились и тупо уставились на темную воду.

– Пол, ты такой молодой! Это твое первое серьезное чувство. У тебя еще все впереди.

– Нет! – упрямо возразил он. – Ничего хорошего меня впереди не ждет. Без тебя, естественно. Ты меня так испортила, что другая мне не нужна. Теперь остается уповать только на то, что и ты испорчена мной в такой же степени и с теми же последствиями.

Они бесцельно бродили по улочкам Венеции, не замечая ничего вокруг.

– А где мы будем жить, Пол? И как?

– Николь, ты как ребенок! – Он посмотрел на нее с нескрываемой досадой. – Неужели ты думаешь, что я хочу запереть тебя в своей комнате в доме матери? У нас будет свой дом, небольшой, но достаточно уютный. У меня хватит денег, чтобы не обращаться к матери за помощью. Мой дедушка, кстати сказать, оставил мне весьма приличную сумму в трастовом фонде. Кроме того, я вполне могу зарабатывать на жизнь музыкой.

Николь вдруг ясно представила себе небольшой домик со скудной мебелью и весьма скромными пожитками. В общем, все, что она ненавидела с давних пор. А как же ее мастерская, без которой невозможно плодотворно работать? И где будет сочинять свою музыку он?

– Понимаешь, Пол, всем нашим хозяйством всегда занимался Эдвард. Мне даже не известно, сколько у меня денег и какой частью собственности я располагаю. Я и стиркой-то не занималась, можешь себе представить? Кроме того, я совершенно не умею готовить и убирать в доме...

– Это говорит о том, что Эдвард всегда держал тебя за ребенка, а я пытаюсь относиться к тебе как к взрослой женщине. – Он внезапно остановился и повернул ее голову к себе. – Не волнуйся, я научил тебя любви – научу и всему остальному. Научу тебя готовить, стирать, и вместе мы преодолеем все трудности.

Николь отпрянула назад, ощутив на губах горьковатый привкус стекающих по щекам слез.

– Я не могу просто так уйти от Эдварда после восемнадцати лет совместной жизни. Ведь он по-прежнему меня любит.

– А ты его? – ехидно заметил Пол. – За последние несколько дней ты продемонстрировала такую неизбывную и совершенно неустраивавшую страсть, что у меня возникают серьезные сомнения на этот счет.

Николь лишь горестно вздохнула.

– Здесь – Венеция, а там – реальная жизнь со всеми ее сложностями и проблемами. Наступит время – и ты не сможешь противиться обаянию юных и красивых женщин с нежной кожей и упругим телом.

– Матерь Божья! – взбеленился Пол. – Ну что тебе еще надо? Гарантии? Да если хочешь знать, я и сейчас уже имею немалый опыт по этой части. Через некоторое время ты сама можешь отвернуться от меня и предпочесть богатого, знаменитого и обласканного всеми Эдварда. Кто знает, как повернется наша жизнь? Кроме того, я вполне допускаю, что могу не состояться в качестве удачливого композитора...

– Ну, в этом нет никаких сомнений, – запротестовала Николь. – И вот тогда-то ты станешь избегать моего общества и стесняться показывать меня своим друзьям. «Нет, – будешь объяснять им ты, – это не мама, это ее лучшая подруга». А когда моя голова поседеет...

– Я тоже выкрашу свои волосы под седину, отращу огромную бороду и куплю себе трость...

– А когда ты рассердишься на меня, – продолжала как ни в чем не бывало Николь, – то станешь обзывать старой каргой...

– А ты меня – сопливым юнцом...

– А я даже не смогу соврать насчет своего возраста, так как он указан во всех справочниках...

– Зато я смогу врать сколько угодно насчет своего. Все мои друзья в оркестре, кстати сказать, абсолютно уверены, что я нашел себе изумительную красотку, и никому из них в голову не приходит, что мы с тобой не ровесники.

– Да брось ты, Пол! – отмахнулась от него Николь. – К сожалению, я не выгляжу на двадцать два.

– Я тоже, – парировал тот. – Знаешь, в барах мне отпускали спиртные напитки, когда мне еще не было и пятнадцати.

– Кроме того, у меня жуткий и несносный характер.

– Ничего страшного, дорогая, я тоже не ангел.

– Однажды утром ты проснешься, посмотришь на меня и не согласишься, что когда-то любил эту старуху.

Пол обхватил ее сзади, крепко прижал руки к бокам и прошептал прямо в ухо:

– О нет, любовь – это метка на всю оставшуюся жизнь. Она неподвластна времени, ее след в душе неистребим. – Нежный поцелуй в шею должен был окончательно убедить Николь в его правоте.

На следующее утро они стали молча упаковывать вещи, стараясь не смотреть друг на друга. Прямо как преступники перед отправкой в тюрьму! Катер быстро доставил их в местный аэропорт, откуда они вылетели в Милан, чтобы очередным рейсом отправиться в Нью-Йорк. Удача окончательно им изменила: билеты оказались в разных салонах. Пришлось довольствоваться лишь воспоминаниями о чудесном времени в Венеции. Николь сидела в салоне первого класса и грустно потягивала кампари с содовой, а Пол в это время коротал время в экономическом классе, ни на минуту не расставаясь с крепким пивом. Единственное, что их немного утешало, так это то, что они как бы привыкали к длительной разлуке на родине.

В Нью-Йорке они вышли в разное время, порознь получили свои вещи в багажном отделении и только в зале ожидания встретились вновь, чтобы вскоре расстаться на неопределенный период. У обоих на глазах блеснули слезы.

– Я люблю тебя, Пол, – все-таки не выдержала Николь и понуро опустила голову.

Через несколько минут они уже мчались на такси в город.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Эдвард обнял жену, но та быстро отвернулась, чтобы избежать поцелуя в губы. Он почувствовал в ней какое-то странное напряжение и отпрянул, изучающе посмотрев на нее.

– Что случилось?

Николь часами репетировала эту ситуацию, но все слова куда-то разом подевались, в душе осталась лишь глухая боль.

– Нам надо поговорить, – с трудом выдавила она. – Не знаю, с чего начать и вообще как тебе сказать...

Эдвард посмотрел на ее бледное лицо, широко открытые глаза, в которых уже блеснули слезы, и подумал, что жена заболела.

– Слушай, дорогая, что бы там ни было, я готов тебя выслушать. Не терзай меня догадками.

Николь опустила голову и закрыла лицо руками.

– Эдвард, я очень виновата. Прости меня!

– За что? Ради всего святого, скажи, что стряслось!

Она не смела поднять на него глаз.

– Я... я нахожусь здесь уже два дня и все это время провела в студии с... с Полом Лурье.

Эдвард качнулся, как будто его ударили по лицу.

– Это невозможно! Невероятно! Не могу поверить!

По скорбному выражению лица жены он понял, что она сказала правду. Не долго думая Эдвард подошел к бару, откупорил бутылку с джином, наполнил два стакана, добавил льда и плеснул немного вермута.

Николь взяла свой стакан и залпом осушила его.

– За здравый ум и светлую память, – шутливо приподнял он стакан и так же быстро его осушил. – А теперь, дорогая, успокойся и расскажи толком, что с тобой произошло.

Николь начала издалека. Она рассказала, как много лет назад познакомилась с Гарретом и провела с ним пару недель, а недавно встретила в Венеции, но он сделал вид, что не узнал ее.

– Черт возьми, – взбеленился Эдвард, – какое это имеет отношение к Полу и ко всему прочему?! Я никогда не интересовался твоим прошлым, не собираюсь этого делать и сейчас.

– Да, но с этого-то все и началось, – судорожно сглотнула она. – Эдвард, поверь мне, я не хочу причинять тебе страдания. – Собравшись с силами, она рассказала мужу о последнем концерте, о своей встрече с Полом в Лондоне и наконец добралась до Венеции.

Эдвард долго смотрел на нее испытующим взглядом, все еще не веря своим ушам.

– Теперь я понимаю, почему ты решила остаться в Венеции еще на несколько дней. Чтобы встретиться с этим смазливый развратником!

Николь отчаянно заморгала глазами.

– Нет-нет, Эдвард, это не так! Я не знала, что он там.

– Ну хорошо, – решил Эдвард и махнул рукой. – Я все могу понять: это был легкий флирт, который вполне можно объяснить романтическим влиянием Венеции – южное солнце, лунные ночи и все такое. Я очень ценю твою откровенность и готов простить минутную слабость. Давай забудем об этом навсегда.

В груди Николь что-то оборвалось.

– Нет, Эдвард, все не так просто. Дело в том, что я люблю Пола и мы уже живем вместе некоторое время.

– Но это же абсурд! – нервно захихикал тот с перекошенным от гнева лицом. – Нет, не могу поверить!

– Это правда, Эдвард.

– Ты хочешь сказать, что готова забыть обо всем, что было между нами в течение восемнадцати лет? Ради чего?

Николь знала, что ей будет очень нелегко, но все оказалось еще сложнее.

– Понимаешь, Эдвард, на самом деле мы с тобой были просто хорошими друзьями, честными и искренними, не более того...

– Чушь собачья! – просипел он сквозь плотно сжатые зубы. – Ты не связалась бы с этим сопляком только потому, что мы с тобой не более чем друзья. Ты просто стесняешься сказать, что этот юный жеребец трахает тебя лучше, чем я.

Николь попятилась назад, дрожащей рукой поставила на стол пустой стакан и впервые посмотрела ему в глаза.

– Все не так просто, Эдвард. Мне всегда не хватало понимания, простого человеческого сочувствия и даже нормального отношения к моему творчеству...

Эдвард грозно двинулся к жене и повис над ней в монументальной позе крайнего негодования.

– Ах ты сучка! Это я-то не понимал тебя? Не сочувствовал? В течение всех восемнадцати лет ты жила здесь как королева, ни о чем не заботясь! Все эти годы ты работала в студии, которую я купил за свои деньги! А кто открыл тебя? Пол? Кто проталкивал все твои работы? Пол? Да как ты посмела сказать такое!

– Я не говорила, что ты не помогал мне, – испуганно пролепетала она. Никогда еще Николь не видела мужа таким разъяренным. – Я имела в виду, что ты никогда по-настоящему не понимал меня. Обращался со мной как с ребенком...

– Потому что ты даже сейчас ведешь себя как ребенок. Я любил тебя все эти годы и готов был на руках носить, а ты хочешь все бросить и уйти.

– О Эдвард! – разрыдалась Николь. – Мне очень жаль, прости меня!

Он резко повернулся и пошел к бару, чтобы снова наполнить стаканы джином с содовой. Она видела, что руки его дрожат, а лицо стало мертвенно-бледным. Осушив содержимое своего стакана, Эдвард немного успокоился и пристально посмотрел на жену.

– Ты и впредь собираешься жить с этим... с Полом в студии?

– Ну, вероятно, какое-то время, – облегченно вздохнула Николь. – По крайней мере до тех пор, пока мы не найдем что-нибудь подходящее. Дело в том, что я даже не представляю, какая часть нашего имущества принадлежит лично мне. Если бы ты подсказал мне, сколько я заработала за последние годы...

– Всеми финансовыми делами ведает наш бухгалтер, но не думай, что это приличная сумма. Ты продаешь единичные вещи, а содержание этого дома стоит нам порой более трех четвертей миллиона в год. Кстати, твой юнец знает, что берет тебя без банковского счета?

Николь отнеслась к подобному заявлению довольно спокойно: она знала, что у нее не много денег. Впрочем, это уже не так драматично, как объяснение с мужем и страдание, что застыло в его глазах.

– Я не рассчитываю на весь дом, Эдвард, мне нужно только то, что я заработала сама.

– Да, конечно, – ехидно заметил тот, наливая себе третий стакан martinis с джином.

– Эдвард, поверь, я действительно обожаю тебя...

Благодарю покорнейше, – продолжал паясничать ее муж, заливая горе крепким коктейлем. – Мне это здорово поможет в пустой постели! – Он посмотрел на жену взглядом, в кото-

ром смешалось все – досада, гнев, ненависть и остатки любви. – Этот парень слишком молод для тебя. Неужели ты не понимаешь, что будешь выглядеть смешной рядом с ним?

– Возможно, но сам ты никогда не считал, что я слишком молода для тебя, – беззлобно парировала Николь.

– Это вовсе не одно и то же. – Эдвард наклонился вперед и задумался. – У тебя что, менопауза или что-то в этом роде?

– Боже мой! – брезгливо поморщилась Николь. – Эдвард, не надо делать вид, что речь идет о каком-то дешевом романе. Нас с Полом связывает настолько глубокое чувство, что его нельзя измерить временными категориями. Это, если хочешь знать, некое родство душ...

– И тел! – почти истерично гаркнул Эдвард и опустошил стакан. – Не держи меня за сосунка. Вряд ли я поверю в то, что между вами существует платоническая дружба. Он трахает тебя, и в этом разгадка всех твоих тайн. Ну ладно, скажи мне, пожалуйста, что он делает как надо, а я нет? – Эдвард ненавидел себя за подобный вопрос, но ничего не мог с собой поделать. Алкоголь развязал ему язык. Одна мысль о том, что этот сопливый юнец удовлетворяет ее лучше, чем он, старый и опытный мужчина, от которого без ума десятки юных и весьма симпатичных особ, а женщины более зрелого возраста просто визжат от восторга, приводила его в ярость.

Николь попробовала ответить как можно мягче.

– Секс – лишь небольшая часть наших взаимоотношений, – осторожно начала она. – Пол любит меня по совершенно другой причине – он видит всю значимость моей работы, ценит мой талант, а ты только цепляешь ценники на мои произведения и удачно продаешь их.

– Этот мальчишка гроша ломаного не стоит! Он ни черта не знает о том, как делаются дела. Все, что он умеет, так это дуть в свою дудку; всю грязную работу за него исполняет его экзальтированная мамаша. Впрочем, и ты не исключение. И вообще, все вы, художники, думаете, что весь мир вертится вокруг вас самих и вашего пресловутого таланта. Вы кажетесь себе темпераментными, утонченными, носителями некой высшей тайны, священного обряда, а на самом деле преподносите обывателю куски не обработанного как следует металла, камня, дерева или какую-то никчемную мазню на холсте. Правильно, за вас все делают специалисты – коллекционеры, оценщики и дилеры, которых вы презираете за материализм и продажность. Да если бы не мы, вы все влачили бы жалкое существование, ютясь в тесных и грязных подвалах или под скатами крыш!

Это был давно известный и практически неоспоримый аргумент, но Николь обрадовалась, что дело принимает такой оборот. Значит, ее муж пришел в норму и теперь с ним можно разговаривать. Кроме того, это еще раз доказывало, что у них с Эдвардом мало общего, что само по себе облегчало ее задачу.

– Кстати, Пенсильванская академия изящных искусств, – продолжал не без злорадства Эдвард, – попросила прислать ей одну из твоих последних работ. Я отослал им кое-что...

– Что? Что именно ты отослал? Эдвард, ты не имеешь никакого права вторгаться в мою мастерскую!

Эдвард саркастически ухмыльнулся:

– Ты только посмотри, насколько все это абсурдно! Ты связалась с каким-то юнцом и хочешь, чтобы я воспринял это как должное. А я тем временем отослал на выставку твою работу, чтобы ты могла получить деньги. Вот давай и поговорим о том, кто кому больше должен.

– По сути, все это свидетельствует об одном и том же: ты не привык считаться со мной. – Николь опустила голову, отчаявшись переубедить мужа. – В моей мастерской складированы самые разнообразные произведения, которые требуют определенной доработки, – макеты, незаконченные бюсты, предварительные наброски. Разве можно было отправлять на выставку что-либо из этого?

– Господи Иисусе, я даже не вспомню сейчас, что это было! Кажется, какая-то женщина, парящая в воздухе.

– Эдвард, это была просто давнишняя ученическая работа. Я так и не закончила ее...

– Ну и черт с ней! – с досадой промолвил Эдвард. – Я отослал ее, вот и все. У тебя масса всяких вещей, которые можно хорошо продать. Боюсь, теперь, когда ты связалась с этим маменькиным сыночком, тебе просто придется заняться продажей.

– Надо было вначале спросить меня...

– Как, черт побери? Как я мог спросить тебя, если ты в это время была в Лондоне, Венеции или черт знает где?!

Это очень на тебя похоже. Ты всегда больше думала о своих скульптурах, чем о банковском счете.

– Л ты всегда больше думал о деньгах, а не об искусстве, – парировала она. – Вот в этом-то и состоит главная проблема нашего непонимания. Тебе всегда было плевать на меня, я была просто частью твоей коллекции. Ты собираешь произведения искусства, а потом всю жизнь хранишь их у себя, но вовсе не оттого, что они тебе нравятся, а потому что хочешь продать их как можно дороже. Если говорить откровенно, то ты специально ждешь смерти авторов, чтобы цена на их произведения подскочила до небес. Тебя никогда не интересовала моя личная жизнь. Главное – чтоб не было слухов и сплетен...

– Надо же, как ты поглупела за последнее время! Доверилась какому-то сопляку, первому встречному, который навешал тебе лапшу на уши и трахает тебя...

– Эдвард, прекрати! – истерично завопила Николь, утратив контроль над собой. – Слышать не хочу больше этот идиотский аргумент. Это только лишний раз доказывает, что я была права в своих первоначальных намерениях. Я тебе говорю о серьезных вещах, а ты заладил: «Трахает, трахает». Словом, ты говоришь о том, что тебя больше всего волнует и как ты понимаешь наши отношения в прошлом. Ты до такой степени обнаглел, что стал указывать мне, когда я должна испытывать оргазм, а я просто-напросто забыла, что это такое.

Ага! – оживился он. – Я так и знал! Все твои умные разговоры на самом деле объясняются очень просто. Он трахает тебя так, как тебе нравится, а я нет! Смеею предположить, что он позволяет тебе взобраться наверх и скакать на нем, как на лошади... – Эдвард запнулся, увидев на пороге Джулию. – Заходи, принцесса! – нарочито бодрым тоном пригласил он дочь. – Присоединяйся к семейной склоке. Твоя мамочка хочет тебе что-то сказать. – Эдвард торжествующе встал и зажег сигарету.

Николь пристально посмотрела на дочь, не зная, с чего начать.

– Знаешь, дорогая, мне кажется, лучше мы с тобой поговорим позже, не сейчас.

Джулия плюхнулась в кресло и вытянула стройные, обтянутые джинсами ноги. После нескольких рюмок водки она чувствовала себя вполне уверенно и готова была обсуждать любые проблемы.

– По-моему, я догадываюсь, о чем здесь идет речь. Никак наша мамочка завела себе хахалю. Ну и кто же этот счастливчик?

Николь сделала несколько глубоких вдохов. Ее не обескуражило развязное поведение дочери, к этому она уже привыкла за последнее время. Просто трудно было отыскать нужные слова, чтобы объяснить ей столь сложные для понимания вещи.

– Видишь ли, дорогая, мы с твоим отцом решили расстаться...

Нет-нет, – спохватился Эдвард, осушив очередной стакан, – давай напрямую. Скажи ей, кто этот счастливчик! Что, стыдно? Еще бы! Твоя мамочка уходит к Полу Лурье, этому сопливному юноше, который пиликает на флейте.

Лицо Джулии стало багряно-красным. Медленно встав из кресла, она закрыла уши обеими руками и направилась к двери.

– Джулия, выслушай меня! – взмолилась Николь. – Это не просто роман. Мы любим друг друга...

Дочь медленно обернулась, посмотрела на мать невидящими глазами, а на перекошенном от ужаса лице застыло крайнее недоумение.

– Ты же... ты же стара для него!

Эдвард внезапно затих и тупо уставился на дверь, за которой только что исчезла дочь. Она оказалась намного сильнее, чем он предполагал. Не долго думая он вскочил на ноги и выбежал из комнаты, пытаясь отыскать Джулию и хоть немного успокоить ее. Он нашел ее в своей комнате, лежащей на диване вниз лицом.

– Не волнуйся, дорогая, – начал он, – просто у твоей матери сейчас переходный к старости период, этим все и объясняется. Ее отношения с Полом не могут длиться долго. Мне кажется, что в Венеции они просто сошли с ума под воздействием южного солнца. Твоя мать – прекрасная женщина, но совершенно непрактичная и неопытная. Она просто позволила этому негодяю воспользоваться собой, но он еще пожалеет об этом, когда Энн надерет ему задницу. Ничего страшного, она придет в норму и поймет, что наделала глупостей. – Эдвард сделал паузу и зажег сигарету. – Я просто хочу сказать тебе, дорогая, что ты всегда и во всем можешь рассчитывать на меня. Договорились? – Не дождавшись от нее ответа, он вышел из комнаты.

Джулия повернулась на спину и вытерла рукой заплаканное лицо. Ей вспомнился давний случай из ее детства, когда мать опоздала в школу, чтобы забрать ее, и Джулия долго стояла на крыльце, обливаясь горькими слезами. Ей было очень обидно, что всех детей уже давно забрали, а она все ждет не дождется матери. Вот и сейчас она фактически предала дочь, легкомысленно связавшись с этим притворщиком Полом. Даже трудно себе представить более нелепую пару. Ведь он в сыновья ей годится! Да и отец тоже хорош! Ничего не видит за своей идиотской коллекцией. В общем, они стоят друг друга.

Изнывая от невыносимо горького чувства ненужности, она поплелась к ночному столику, достала из-под него полбутылки водки и залпом выпила горькую жидкость, которая последнее время спасала ее от одиночества.

Глава 2

– Пол, как приятно пообедать с тобой! – ворковала Энн, передавая сыну бутылку с вином. – Выглядишь вполне довольным и счастливым. Что нового?

– Ничего особенного, – уклончиво ответил тот, разрезая курицу. – Просто я недавно был в Венеции и прекрасно провел там время.

– А как же твоя работа?

– Успею. Все будет готово к ноябрю.

– Я очень горжусь тобой и с нетерпением жду твоих новых творений.

– Я уже кое-что играл тебе из своего нового произведения, но сейчас пришлось все переписать.

– Ты сказал, что был в Венеции? – неожиданно встрепелась Энн. – Как интересно! Моя лучшая подруга Николь тоже была там совсем недавно. Ты слышал, что в этом городе выставлялась ее работа?

– Не только слышал, но и видел ее.

– Правда? Расскажи мне о ней.

– О, это что-то необыкновенное! Монумент так гениально задуман и так прекрасно выполнен, что у меня даже дух захватило!

Энн долго слушала его, а потом подозрительно хмыкнула:

– Не думала, что ты такой любитель скульптуры. Кстати, ты там случайно не встречал Николь и Эдварда?

– Мама, – тихо проговорил Пол, осторожно положив вилку и отодвинув тарелку, – я должен сообщить тебе нечто такое, что, возможно, придется тебе не совсем по душе.

Мать внезапно насторожилась, какое-то чутье подсказывало ей, что ее сын влюбился по уши. Конечно, она уже давно была внутренне готова к этому, но очень опасалась, что это произойдет как-то глупо и опрометчиво: ну, например, она узнает, что от него забеременела какая-либо итальянская девушка.

– Ну что ж, рассказывай, – решила наконец она.

– Я знаю, что тебя это удивит, но у меня случилось весьма романтическое приключение.

– Ничего удивительного, – резонно заметила Энн. – Ты уже вполне взрослый мужчина, вокруг которого беспрестанно вьются ровесницы.

– Да, у меня были такие, как ты выразилась, ровесницы, но ничего хорошего из этого почему-то не получалось. Они слишком легкомысленны и ветрены, если не сказать больше.

– Боже мой, Пол, ты, кажется, действительно втюрился в кого-то! Неужели все так серьезно? Насколько я могу судить, легкий флирт никому еще не помешал, а тем более тебе, талантливому музыканту и композитору. Стало быть, нечего стесняться случайной связи. Расскажи мне всю правду. Готова поспорить, что это была замечательная юная итальянка.

К ее удивлению, Пол не рассмеялся и не ответил шуткой на ее слова.

– Это была Николь Ди Кандиа.

– Что?! Что ты имеешь в виду?

– Я влюбился в Николь Ди Кандиа.

– Пол, о чем ты говоришь? – На перекошенном лице матери застыл дикий ужас, что заставило сына перейти в глухую оборону.

– Я люблю Николь и любил ее с детства, – упрямо повторил он. – И сейчас мы живем вместе, в ее студии.

Мать стала хватать воздух широко открытым ртом.

– Ты и моя лучшая подруга Николь Харрингтон... – простонала она. – Вы живете вместе в ее студии? Какой кошмар! Невероятно!

– Я знаю, что шокировал тебя, и очень сожалею об этом, – попытался успокоить ее Пол. – Пожалуйста, не расстраивайся.

– А где же Эдвард? – тихо выдохнула Энн, ничего уже не понимая. – Он живет вместе с вами?

– Нет, она бросила его.

– Это невозможно! – истерично завопила она, вытаращив глаза на сына. – Она обожает мужа!

– Николь оставила его, – еще раз повторил Пол. – Мы действительно любим друг друга.

– Любите! – холодно отозвалась Энн. – Да что ты знаешь о любви? Ты же еще ребенок! Ты и Николь – невероятно! Не могу поверить, что моя лучшая подруга способна на такое!

– Мама, послушай, пожалуйста, – кисло поморщился Пол. – Я понимаю, что это звучит странно, но мы действительно любим друг друга.

– Пол, – нетерпеливо прервала его мать, – ты не видел ее много лет. Вспомни тот концерт. Ты даже не узнал ее с первого раза.

– Если хочешь знать, без той встречи я ничего путного не написал бы.

– Какая ерунда!

– Мама, мы любим друг друга и намерены жить вместе. А ты, если по-настоящему желаешь мне добра, не вмешивайся, пожалуйста, в нашу жизнь.

– Боже мой, она же тебе в матери годится!

– Возраст здесь ни при чем, и ты это прекрасно знаешь. Мы близки духовно и не намерены расставаться.

– О какой духовной близости ты говоришь? Тебе нужно думать о музыке и о предстоящих концертах. Я мотаюсь по всему Нью-Йорку, пытаюсь организовать для тебя премьеру, а ты...

– Я знаю и весьма благодарен тебе за это. – Пол заметно смягчил тон. – Давай пойдем в гостиную и выпьем бренди. Уверяю тебя, моя личная жизнь никоим образом не отразится на музыкальной карьере.

– Не отразится? А как же твой учитель? Да и что ты будешь делать здесь, в Нью-Йорке? Знаешь, сколько здесь голодающих и не менее талантливых музыкантов?

Пол откинул волосы со лба, нетерпеливо взмахнул рукой и вышел из столовой. Мать последовала за ним, нервно размахивая руками.

– Я все равно через год бросил бы занятия в мастер-классе, – продолжал убеждать ее Пол, подсовывая ей стакан с бренди.

Энн надолго умолкла и, сев на стул, почему-то стала мерно раскачиваться на нем. Ей вдруг показалось, что ее сын сошел с ума.

– Ты готов бросить музыку после всего того, что я для тебя сделала, – тихо пробормотала она как во сне.

Пол залпом осушил стакан и пристально посмотрел на мать.

– Никогда не думал, что услышу от тебя столь банальные вещи. – Он подошел к ней и взял ее за руки, отметив про себя, что они холодны как лед. – Мама, ты на всю жизнь привила мне любовь к музыке, за что я тебе очень благодарен. Но ты не можешь устраивать мою личную жизнь так, словно устраиваешь очередной концерт.

– Да, разумеется, – неожиданно согласилась с ним Энн, скривившись. Ей стало ясно, что эту проблему надо решать по-другому. – Извини, что устроила такой бедлам.

– Вот и хорошо, – облегченно вздохнул Пол. – Я отправляюсь в Нью-Хейвен, чтобы уладить там все дела, а потом вернусь в Нью-Йорк и сразу же тебе позвоню.

После ухода сына Энн выпила немного бренди и погрузилась в размышления. Где и как она допустила ошибку в воспитании сына? Как это все случилось и когда? А самое главное – как не допустить дальнейшего развития этого в высшей степени глупого и просто неприлич-

ного романа? Нет, она будет до конца бороться за счастье своего ребенка, чего бы это ей ни стоило.

Когда прозвенел звонок, Николь бросилась к двери, надеясь, что Джулия уже получила ее записку и пришла побеседовать с ней.

На пороге стояла Энн. Николь попятилась назад, успев отметить, что, судя по одежде, ее подруга настроена чрезвычайно воинственно. Несмотря на июльскую жару, на ней был черный шерстяной костюм и белая соломенная шляпка под стать такой же белой сумочке и перчаткам.

Они долго смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Затем Энн прошла вглубь комнаты, устроилась на стуле и застыла с каменным выражением лица, не предвещавшим ничего хорошего.

– Ника, как ты могла? – вдруг истерично выкрикнула гостя и неожиданно разрыдалась.

Николь бросилась к подруге, обняла ее за плечи и попыталась успокоить:

– Энни, поверь, дорогая, я не хотела и до последней минуты боролась со своим чувством! Знаешь, после стольких лет жизни с Эдвардом Пол показался мне совершенно фантастическим человеком. По правде говоря, он еще в Лондоне застал меня врасплох своим неожиданным признанием...

– Ты видела моего сына в Лондоне? – опешила Энн, мгновенно прекратив реветь. – И ничего мне не сказала?

– Я пыталась это сделать, но... Понимаешь, узнав, что Пол ничего не рассказал тебе о нашей встрече, я тоже решила не искушать судьбу. Вообще говоря, тогда я отвергла его и очень надеялась, что смогу справиться с этим наваждением. Я действительно не хотела этого, Энн.

– Ты специально устроила встречу с моим сыном в Лондоне! – возмущенно выдохнула гостя.

– Нет, это не так. Он сам приехал туда вслед за мной.

Энн вскочила на ноги и гневно сверкнула глазами.

– Я не верю ни единому твоему слову! Все эти годы я пребывала в неведении относительно...

– Энн, Пол действительно преследовал меня повсюду. Он приехал в Лондон, затем в Венецию. Я больше не могла сопротивляться этому.

– Этому? Чему?

– Своей любви к нему, – тихо произнесла Николь.

– Любви? Ты называешь это любовью?

– Да, поначалу я думала, что это всего-навсего минутное увлечение, вызванное воздействием алкоголя, но оказалось, что все намного сложнее.

– Намного сложнее... – рассеянно повторила Энн, с великим трудом контролируя себя, чтобы не заорать во всю глотку. – А что ты еще обнаружила в мальчике, который едва оторвался от материнской юбки?

Николь понуро опустила голову. Подруга никак не хотела понять ее, несмотря на все попытки объясниться.

– Понимаешь, я люблю Пола по той же самой причине, по которой любая другая женщина любит мужчину. Мне приятно его общество, я ценю его мнение, восхищаюсь его талантом и прежде всего необыкновенной деликатностью по отношению к моим чувствам.

– А тот факт, что он намного моложе, не останавливает тебя? И что он – мой сын, а ты – моя лучшая подруга...

Да, это было серьезное препятствие, и я только что пыталась объяснить тебе свое состояние. Даже в Венеции Я все еще сопротивлялась, но в последнюю минуту силы покинули меня...

– И что же мне прикажешь теперь делать? – Не получив от Николь ответа, Энн оглядела комнату. – У тебя найдется что-нибудь выпить? Джин без содовой, если можно.

Николь налила подруге немного джина и бросила в стакан несколько кубиков льда. Себе же добавила изрядное количество тоника.

Энн залпом выпила содержимое стакана и с облегчением вздохнула.

– Значит, ты действительно решила оставить Эдварда ради моего сына?

– Да. Я хочу, чтобы ты поняла...

– Нет, я не понимаю. Он что, импотент? Николь густо покраснела.

– Нет.

– Он любит тебя?

– Да, но...

– Стало быть, твое отношение к моему сыну можно объяснить только неумной алчностью, – надменно изрекла Энн тоном, характерным для любой мелодрамы. – Ты всегда была слишком амбициозна и самолюбива. Твоя Ненасытная жажда славы, известности и внимания могла бы погубить тебя в самом начале карьеры, если бы не я и не Эдвард. Только с нашей помощью ты стала известным скульптором и достаточно богатой женщиной, но тебе этого Показалось мало, и вот ты завладела моим сыном.

Николь сидела молча и рассеянно слушала горькие слова подруги, которые уже не соответствовали действительности.

– Если бы ты была хорошей матерью своей дочери, – продолжала наносить удары Энн, – ты бы поняла всю чудовищность своего поступка. Но ты забросила ее как никчемную вещь и пожертвовала всем святым ради сиюминутного удовольствия. Ты очень эгоистична, Николь, и всегда была такой. Для тебя на первом месте всегда были твои произведения, твое самолюбие и твой успех, а все остальное отодвигалось на второй план.

Николь разрыдалась, доставив подруге немалое удовлетворение. Энн поняла, что отыскала слабое место в «стане противника», и вознамерилась возобновить атаку.

– Ну что, я не права?

Та молча покачала головой.

– Интересно, как Джулия отнеслась к твоему романтическому увлечению? Думаю, она не в восторге от того, что ее мать превратила сына своей лучшей подруги в самого заурядного любовника.

– Она не разговаривает со мной, – только и смогла выдавить Николь, вытирая слезы. – Впрочем, она и раньше избегала меня. Энни, ты, конечно, права насчет полного провала моих отношений с дочерью, но я просто не знаю, что с ней делать.

– Ты можешь начать с того, что оставишь моего сына в покое. Она поймет, что ты ценишь ее больше всего на свете.

– Вряд ли это поможет, – покачала головой Николь, наливая себе джина с тоником. – Что же касается разницы в возрасте, то сейчас это не имеет для нас равным счетом никакого значения. Это не просто животная страсть между мужчиной и женщиной. Это, если хочешь знать, полноценная любовь между двумя творческими личностями, готовыми пожертвовать всем ради своей любви...

– Ну все, хватит! – истерично прервала ее Энн. – Слышать больше не хочу этот бред! Еще одно слово – и меня стошнит. Никогда не поверю, что мой сын увязался за тобой исключительно по собственной инициативе. Ты опытная искусительница и нашла способ обольстить его. Я давно замечала, что ты вертишь задом и готова наброситься на любого мужика. Нет, дорогая, с моим сыном у тебя ничего не получится.

Николь сообразила, что ее подруга уже порядком накачалась джином и теряет над собой контроль.

– Хочешь лишить моего сына нормальной семейной жизни? – заорала вдруг Энн, покраснев от гнева и напряжения. – Он мог бы иметь детей. Ты можешь родить ему детей? Можешь?!

Николь побледнела.

– Физиологически это вполне возможно...

– Физиологически? Да будет тебе известно, что женщины в нашем возрасте способны родить лишь какого-нибудь монголоидного уродя!

Николь пошла на попятную:

– Собственно говоря, мы не собираемся жениться. И вообще, вес может закончиться очень быстро, как только Пол разлюбит меня...

– Заткнись и не говори больше о любви! – взвилась Энн. – Каждый раз когда ты произносишь это слово, мне хочется блевать. Господи, и за что мне такое наказание? Как я могла упустить своего сына? Когда?

– Ты можешь гордиться своим сыном, – еле слышно прошептала Николь. – Он делает тебе честь своими поступками и своей порядочностью. Разве не об этом мы мечтали с тобой в юном возрасте? В нем абсолютно нет мужского шовинизма.

– Боже мой, да заглохни ты наконец! Что за чушь!

– Нет, это не чушь. Энни, ты действительно воспитала прекрасного сына. Если хочешь знать, моя любовь к нему является своеобразным продолжением моей любви к тебе.

Энн вскочила на ноги и набросилась на подругу, опрокинув на пол стакан с джином.

– Ах ты сучка! Ты предала меня и еще смеешь говорить об этом! Я хочу только одного – чтобы ты навсегда оставила его в покое!

Николь отпрянула и до крови прикусила губу.

– Я... я не знаю, как это сделать. Пол будет в отчаянии.

Ничего страшного, побесится и перестанет. Женщины приходят и уходят, а мужчина остается. Николь, ты непременно должна сделать это, иначе я никогда не прощу тебя. Более того, ты сама никогда не сможешь простить себя.

Лицо Николь стало мертвенно-бледным.

– Это не выход из положения, – грустно произнесла она, потупив взор. – Мы все равно будем думать друг о друге и искать встречи. Думаю, нам лучше исчерпать свои возможности естественным путем и спокойно разойтись, когда чувства улетучатся, как утренний туман.

Энн снова набросилась на подругу и стала молотить ее своими маленькими кулачками.

– Ты все говоришь, говоришь и говоришь, как на политическом митинге, дегенератка чертова! Хочешь сохранить свою молодость за счет моего сына?

Николь долго сносила все эти удары, а потом не выдержала и сильно толкнула подругу.

– А ты все время талдычишь о своем сыне, забывая о том, что он уже далеко не маленький мальчик. Ты тоже хочешь продлить свою молодость, считая его до сих пор несмысленным ребенком. Чем же в таком случае ты отличаешься от меня? Ты готова разорвать в клочья любую женщину, которую изберет для себя твой малыш!

Энн изловчилась и, ухватив Николь за волосы, сильно ударила ее головой о стену.

– Ах ты сука, я убью тебя!

Телефонный звонок прервал этот драматический поединок.

– Джулия! – громко воскликнула Николь и бросилась к аппарату. – Алло? Нет, – понуро ответила она. – Вы ошиблись номером.

Энн уже стояла у двери, нервно теребя руками свою белую соломенную шляпку.

– Или ты оставишь моего сына в покос, или пожалеешь, что холишь по этой грешной земле!

Глава 3

Увидев медленно встающую с дивана Ни коль, Пол сразу же догадался, что что-то случилось. Ее глаза потемнели от слез, несмотря на то что она, видимо, тщательно умылась и нанесла на лицо тонкий слой косметики.

– Кто здесь был? Эдвард?

Николь молча покачала головой и горестно прижалась к его груди.

– Так кто же? Неужели моя мать? Я же предупреждал ее, чтобы она тебя не трогала. Бедняжка, представляю, что тебе пришлось перенести!

– Ничего страшного, Пол, все уже позади. Я предчувствовала, что никто не потерпит нашего счастья.

– Неправда, никто не сможет остановить нас.

– Они уже пытаются это сделать и говорят про нас всякие гадости.

Пол обхватил обеими руками ее лицо и поцеловал в губы.

– Расскажи мне все-все, облегчи душу.

Николь грустно улыбнулась.

– Все случилось так, как ты и предполагал. Она говорила о том, что я, старая ведьма, обольстила совершенно невинного юношу...

– Черт бы ее побрал, я же предупреждал, что...

– Я верю тебе, дорогой, – прервала она его со слезами на глазах, – но она твоя мать и просто не способна быть объективной в таких делах. Я понимаю ее, понимаю ее переживания. Да, кстати, как твои дела с мастер-классом?

– Все нормально. Фред Феликс, конечно, расстроен, но я пообещал, что продолжу свои занятия с ним. Что же касается моего дома, то я намерен сдать его в аренду. Знаешь, там всегда найдется какой-нибудь профессор, которому нужна крыша над головой. А как Джулия? – в свою очередь поинтересовался Пол.

– Не ясно, – грустно отозвалась Николь. – От нее нет никаких вестей. Не знаю, что и думать.

– Ничего страшного, – попытался успокоить ее Пол. – Она уже большая девочка и в состоянии сама устроить свою личную жизнь.

– Знаешь, мне иногда кажется, что ее расстраивает нечто большее, чем наша размолвка с отцом. Что-то постоянно гложет ее, и я не могу понять, что именно. Она красивая девочка, и на нее пялят глаза даже на улице...

Так оно и есть, но Бог не наградил ее ни характером, ни талантом, и именно поэтому она кажется такой инфантильной. Беда в том, что ей никогда не удастся повторить твой опыт, но, надеюсь, у нее хватит ума понять это и не бороться с обстоятельствами.

– Но это же ужасно, Пол! – чуть не плача, простонала Николь. – Я просто с ума сойду! По-моему, она нуждается в профессиональной помощи. Я неоднократно напоминала Эдварду о необходимости обратиться к психотерапевту, но он и слышать об этом не хотел. Да и Джулия была против.

– Знаешь что, дорогая, надо немного подождать и подумать. Я принесу шампанского и чего-нибудь перекусить.

– Шампанского? – удивилась она. – А что, есть повод?

– Да, сегодня я люблю тебя больше, чем когда бы то ни было. А завтра буду любить еще больше. Чем не повод для того, чтобы выпить шампанского?

Николь попыталась улыбнуться в ответ, но вместо улыбки лицо ее изобразила страдальческая гримаса. Она не сомневалась, что вся вина за случившееся падет на нее, как на более

опытную и умудренную жизнью женщину, но никогда не думала, что это доставит ей такую боль.

А Пол тем временем принес бутылку, откупорил ее и наполнил два огромных бокала.

– За наше счастье, и пусть весь мир катится ко всем чертям!

– За наше счастье, – эхом отозвалась Николь. – Этот мир еще не готов понять нас, но мы постараемся убедить его в нашей правоте.

– Да, мы докажем всему миру, что достойны любви. Они звонко сдвинули бокалы и залпом выпили бодрящий пузырящийся напиток.

Пол меж тем разложил на столе тонко нарезанные бутерброды, греческий салат с оливками и итальянский хлеб с ломтиками сыра. Подхватив оливку, он положил ее в рот, а потом, поцеловав Николь, языком передал ее ей.

– Это называется греческий поцелуй, – пояснил он, расплываясь в улыбке.

Николь прожевала оливку, а косточку вернула Полу.

– А это – итальянский.

Пол хмыкнул и выплюнул косточку ей за пазуху.

– А это еврейский сюрприз. – Довольный своей шуткой, он сунул руку ей в вырез блузки и с удивлением вытаращил глаза, когда Николь, отпрянув, поморщилась от боли. – Извини, я был слишком груб.

– Нет-нет, все нормально.

Пол осторожно расстегнул пуговицы, и его глазам предстала ужасная картина: вся грудь Николь была в синяках.

– Господи Иисусе! Что это? Неужели моя мать?

– Нет, я просто свалилась с лесов.

Пол нежно обнял ее и прижал к себе. В глазах у него потемнело от негодования. Его мать всегда казалась ему доброй и милой женщиной, неспособной на жестокость. Даже по отношению к животным, не говоря уже о близкой подруге.

А Николь была очень благодарна Полу за то, что он промолчал, не терзая ее слишком неприятными вопросами. Она еще крепче прижалась к нему, интуитивно уловив его готовность к любви.

Они раздевали друг друга медленно и осторожно, наслаждаясь каждым мгновением и каждым неуловимым движением чувственно настроенных сердец. А когда их одежда уже покоилась на кресле, Пол поднял бокал с шампанским и уронил несколько капель ей на грудь, после чего с нескрываемым удовольствием слизал их.

– Вкус твоей кожи намного приятней, чем вкус шампанского, – вполголоса пробормотал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.